РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 42. 16-го Октября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи. Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

ТРОПИНИНЪ слушалъ разсказъ полиціймейстера и его разсужденіе совсѣмъ безучастно, какъ-будто рѣчь шла не о его дочери, а о комъ-нибудь постороннемъ.

Горе его было такъ велико, что ничто уже не могло измѣнить его, т. е., ни усилить, ни уменьшить...

Слова полиціймейстера дѣйствовали на него такъ же, какъ шумъ колесъ, долетавшій съ улицы черезъ растворенное окно, такъ-же, какъ жужжаніе мухи, кружившейся надъ нимъ. Онъ смотрѣлъ на свѣтлыя пуговицы полиціймейстера, на его усы и думалъ:

„А, вѣдь, въ послѣдній разъ она сидѣла на этомъ

ЗАСЛУЖЕННОЕ СЧАСТЬЕ. Оригин. рис. С. Животовскаго.

мѣстѣ и говорила со мной... А теперь ея уже нѣтъ... И никогда не придетъ она, и какъ давно-давно нѣтъ ея!.. Да развѣ было время, что она была?“...

Валеріану Дмитріевичу иногда то казалось, что онъ вотъ только что видѣлъ дочь живою и здоровою и что все это—вздоръ, что ея нѣтъ больше, и что вотъ она войдетъ сейчасъ; то, наоборотъ, время, когда она была съ нимъ, представлялось отдаленнымъ, давнишнимъ, сказочнымъ и неяснымъ, какъ во снѣ...

„Что это говоритъ онъ?—силился Валеріанъ Дмитріевичъ уловить смыслъ словъ полиціймейстера,—да, что ее убилъ актеръ и его арестовали“...

Онъ вдругъ поднялъ голову и, играя попавшимся подъ руку костянымъ ножомъ для книгъ, спросилъ:

— Зачѣмъ вы мнѣ говорите все это?..

Полиціймейстеръ смутился.

— Помилуйте, Валеріанъ Дмитріевичъ, я думалъ, что это васъ можетъ интересовать.. Все-таки преступникъ найденъ...

— Но это не вернетъ, вѣдь, мнѣ моей дочери?..— тихо сказалъ Тропининъ, поникъ головою и умолкъ.

XVII.

Внезапный и, разумѣется, совершенно неожиданный арестъ трагика Ромуальдъ-Костровскаго и обвиненіе его въ ужасномъ убійствѣ произвели въ театрѣ удручающее впечатлѣніе. Большинство ввиду, такъ сказать, совершившагося факта самаго ареста повѣрило въ его виновность и удивлялось только, какъ это такъ тотъ самый человѣкъ, который недавно еще былъ съ ними, игралъ, разговаривалъ, и вдругъ оказался преступникомъ!..

Премьерша Донская ходила, какъ-то особенно шурша юбками, всплескивала руками и повторяла:

— А я ему еще вчера подавала руку!..

Антрепренеръ боялся, не отзовется-ли арестъ одного изъ главныхъ актеровъ на сборахъ, но опасенія его не оправдались.

Напротивъ, вѣсть объ арестѣ еще не успѣла попасть въ мѣстный газетный листокъ, но уже распространилась по всему городу; о ней говорили, а вмѣстѣ и о театрѣ. Благодаря этому, билеты раскупались. Публика хотѣла узнать, правда-ли, и шла въ театръ, чтобы удовлетворить своему любопытству...

Маничка Микулина ходила сама не своя. Она долго крѣпилась, наконецъ, подошла къ Козодавлеву-Рощинину и спросила:

— Дядя Андрей, какъ, по-твоему, неужели Ромуальдъ-Костровскій, дѣйствительно, могъ убить?

Козодавлевъ-Рощининъ отвѣтилъ не сразу:

— Не знаю, милая, могъ онъ убить или нѣтъ вообще, но только я почти увѣренъ, что въ убійствѣ дочери Тропинина онъ не виноватъ...

Всѣ актеры старались наперерывъ другъ предъ другомъ вспомнить и придумать хоть что-нибудь, что могло-бы служить въ пользу обвиненнаго ихъ товарища. Они добросовѣстно старались найти, не видалъ-ли кто Ромуальда-Костровскаго въ злополучный вечеръ. Но всѣ старанія были напрасны. Костровскій вечеромъ пятнадцатаго іюля пропадалъ, неизвѣстно гдѣ.

Особенно знаменательнымъ казалось многимъ, что Тропининъ, разыскивая дочь, пришелъ къ нимъ въ театръ.

„Инстинктъ отца!“—говорили шепотомъ и вспоминали, что Ромуальдъ-Костровскій подошелъ къ Тропинину, протянулъ ему руку и сказалъ:

— Сочувствую!

Мнѣнія относительно этого факта расходились. Одни говорили, что, будь виноватъ Ромуальдъ-Костровскій, онъ не имѣлъ-бы дерзости подойти къ отцу убитой имъ дѣвушки; другіе, наоборотъ, видѣли въ этомъ признакъ его виновности и приводили примѣры изъ мелодрамъ и уголовныхъ романовъ, находя, что именно это и соотвѣтствуетъ вполнѣ психологіи преступника. Вѣдь, никто-же другой, кромѣ Ромуальдъ-Костровскаго, не подошелъ!

Микулина была въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые не вѣрили въ преступность ихъ товарища, и потому обрадовалась, когда Козодавлевъ-Рощининъ сказалъ ей, что тоже не вѣритъ.

— Доказательствъ у меня нѣтъ! — отвѣтилъ онъ ей, — то есть, можетъ быть, и есть, но они еще не вполнѣ выяснены.

— Такъ надо выяснить, во что-бы то ни стало!—воскликнула опять Микулина.

— Постараюсь, милая, сдѣлаю, что могу! — сказалъ ей Козодавлевъ-Рощининъ и сейчасъ-же отправился, чтобы дѣйствовать.

Онъ отправился въ домъ Тропинина.

Тамъ только что разъѣзжались послѣ справленныхъ поминокъ.

Ему нужно было видѣть самого Валеріана Дмитріевича, чтобы переговорить съ нимъ; но онъ сообразилъ что если онъ пойдетъ съ главнаго входа, то его не пустятъ, потому что Тропинину теперь, вѣроятно, не до постороннихъ посѣщеній.

Черезъ парикмахера, работавшаго у нихъ въ театрѣ, давнишняго городского жителя, онъ узналъ, что у Тропинина есть камердинеръ Власъ Михайловичъ; къ нему-то онъ и отправился.

Власъ Михайловичъ сначала принялъ его непривѣтливо, но затѣмъ, послѣ разговора съ нимъ, пошелъ доложить о немъ барину.

Отвѣтъ, несмотря на ходатайство Власа Михайловича, получился неудовлетворительный. Тропининъ не хотѣлъ никого видѣть и сказалъ, что судебное дѣло его вовсе не касается и что пусть по этому дѣлу обращаются не къ нему, а къ властямъ, которыя производятъ слѣдствіе.

Дѣлать было нечего: Козодавлевъ-Рощининъ отправился къ судебному слѣдователю.

Полиціймейстеръ, разсказывая Валеріану Дмитріевичу, что все дѣло было раскрыто полиціей, прихвастнулъ, потому что раскрытіе преступленія велось подъ надзоромъ судебнаго слѣдователя.

Этотъ судебный слѣдователь, человѣкъ уже не молодой, но и не слишкомъ старый, сидѣлъ уже многіе годы на должности слѣдователя, не получая повышенія; у него не было протекціи и ему не везло по службѣ.

Дѣло объ убійствѣ дочери Тропинина представляло для него удобный случай, чтобы выдѣлиться, и потому онъ принялся за него съ необыкновенной, страстной энергіей.

Онъ принялъ Козодавлева-Рощинина у себя въ камерѣ сейчасъ-же, какъ тотъ явился къ нему, усадилъ и сталъ разспрашивать.

XVIII.

— Вы имѣете сообщить мнѣ какіе-нибудь факты по дѣлу объ убійствѣ дочери фабриканта Тропинина? — строго спросилъ слѣдователь Козодавлева-Рощинина.

— Имѣю! — отвѣтилъ тотъ.

— Говорите!..

— Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что арестованный артистъ Ромуальдъ-Костровскій не виновенъ!

— Вотъ какъ?—сказалъ слѣдователь и улыбнулся

тою улыбкою, которою могутъ улыбаться развѣ лишь старообрядческіе начетчики, когда ихъ желаютъ уличить въ неправильномъ толкованіи Священнаго Писанія.

— Онъ не виновенъ,—повторилъ Козодавлевъ-Рощининъ,—потому что для его обвиненія недостаетъ самаго главнаго—мотива или причины преступленія. Съ какой стати и какая выгода ему была убивать эту дѣвушку?

— Объ этомъ мы не будемъ говорить,—перебилъ слѣдователь.

И, хотя онъ сказалъ: „объ этомъ мы не будемъ говорить“, онъ сейчасъ-же сталъ выяснять тѣ мотивы, на основаніи которыхъ, по его мнѣнію, Ромуальдъ-Костровскій могъ совершить это убійство.

Онъ такъ много думалъ объ этомъ и такъ наладилъ ходъ своихъ мыслей, что ему захотѣлось высказать ихъ, для того, чтобы послушать самого себя.

Въ его воображеніи Ромуальдъ-Костровскій рисовался безнравственной, пьяной натурой, которая готова совершить убійство ради самого убійства.

Само пролитіе крови доставляетъ-де такимъ натурамъ удовольствіе и онѣ являются порожденіемъ нашего расшатаннаго, болѣзненнаго времени, когда прежніе грубые мотивы преступленій, какъ выгода, месть и тому подобное, замѣняются болѣе тонкими, психологически-безнравственными.

— Но, вѣдь, нельзя-же обвинять человѣка,—сталъ возражать Козодавлевъ-Рощининъ, — на основаніи только произнесенной имъ въ пьяномъ видѣ фразы изъ драмы Островскаго! Вѣдь, то, что сказалъ Ромуальдъ-Костровскій, „вяжите меня, я убилъ ее“ — извѣстныя выходныя слова изъ драмы Островскаго, и больше ничего!

— Можетъ быть, это и изъ драмы Островскаго,— опять перебилъ, какъ-бы задѣтый за живое, слѣдователь, — и сама по себѣ такая фраза ничего-бы не значила, если-бы она не являлась звеномъ въ цѣпи другихъ, такъ называемыхъ косвенныхъ, уликъ. Обвиняемый не можетъ объяснить, гдѣ онъ находился вечеромъ пятнадцатаго іюля, затѣмъ выяснено, что онъ вернулся домой только утромъ шестнадцатаго, причемъ платье его было въ грязи, и онъ также не умѣетъ объяснить, откуда взялась эта грязь.

Судя по разговору слѣдователя, видно было, что недаромъ онъ не получалъ повышенія по службѣ.

Вмѣсто того, чтобы допрашивать свидѣтеля, какимъ явился къ нему Козодавлевъ-Рощининъ, онъ разглагольствовалъ съ нимъ, пускаясь въ совершенно ненужныя и лишнія объясненія. Самъ онъ, однако, видѣлъ въ этихъ разглагольствованіяхъ особенно хитрую сноровку, думая путемъ такого, какъ-бы частнаго, разговора вмѣшать истину, которую легче затемнить при вопросахъ и отвѣтахъ оффиціальнаго, сухого допроса.

— „Ну, полноте, мамочка!“—чуть не сказалъ ему Козодавлевъ-Рощининъ по своей привычкѣ, но вовремя спохватился и проговорилъ только: — ну, полноте! Нельзя-же, вѣдь, правда, обвинять человѣка, потому, что онъ пьяный произнесъ фразу изъ роли или что платье его было въ грязи, или что онъ не можетъ объяснить, гдѣ онъ былъ вечеромъ пятнадцатаго іюля! Это доказываетъ лишь, что человѣкъ онъ пьяный, и больше ничего. Онъ и есть на самомъ дѣлѣ пьяный человѣкъ и не помнитъ, что дѣлаетъ въ пьяномъ видѣ.

— Позвольте, — остановилъ его слѣдователь,—да у васъ есть какіе-нибудь факты?

— Какіе факты?

— Которые вы можете сообщить правосудію!

— Да развѣ то, что я вамъ говорю, не факты? Я вамъ докладываю, что онъ пьетъ запоемъ, что онъ — пьяница, а вовсе не преступникъ-убійца! Это—фактъ положительный!

— Нѣтъ, сударь мой!—покачалъ головой слѣдователь,—это—не факты, а собственныя ваши разсужденія, можетъ быть, очень почтенныя съ вашей стороны, потому что вы хотите ими оправдать своего товарища, но они для слѣдствія не пригодны; разсуждать будутъ судьи, а слѣдствіе должно считаться только съ фактами.

— Ну, а что вы скажете, — проговорилъ Козодавлевъ-Рощининъ, — если я вамъ укажу на другого человѣка, котораго можно съ гораздо большею достовѣрностью обвинить въ убійствѣ дочери Тропинина?

— Что я скажу? — переспросилъ слѣдователь, хитро и пронзительно взглядывая прямо въ глаза комику, — скажу то, что, можетъ быть, вы хотите сбить съ толка правосудіе и затемнить дѣло въ пользу вашего пріятеля. Вѣроятно, этотъ артистъ былъ вашимъ пріятелемъ?

(Продолженіе будетъ.)

Двухсотлѣтіе взятія Нарвы.

Очеркъ А. И. Красницкаго. (Съ рис. на стр. 1327 и 1329.)

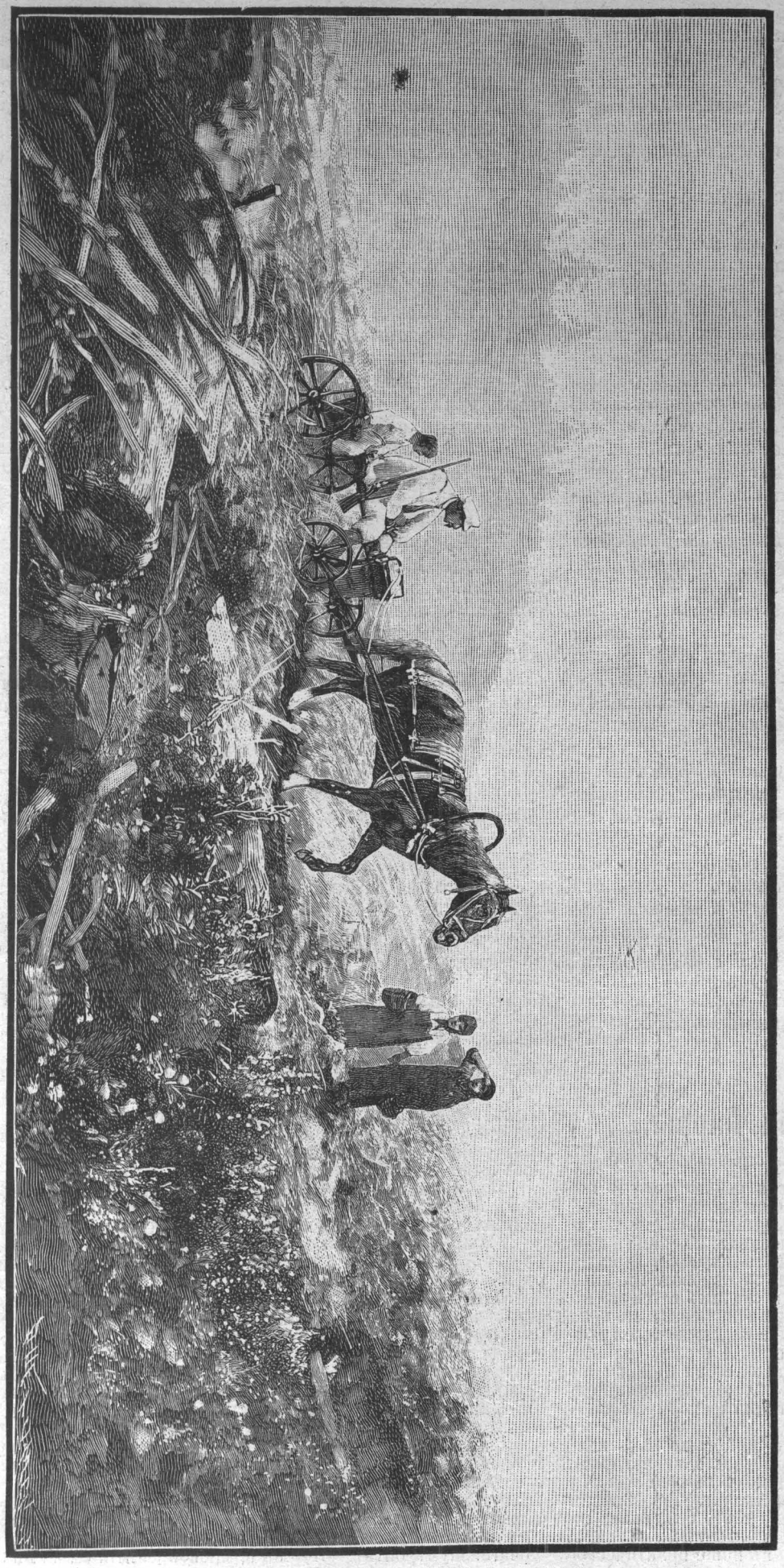
СТАРЫЯ, выцвѣтшія, вывѣтрившіяся стѣны, кое-гдѣ поросшія сѣдымъ мхомъ. Стѣны зубчатыя, съ бойницами. Изъ-за нихъ видны высокіе, острые шпили, сильно покатыя черепичныя крыши какихъ-то высокихъ, но узкихъ зданій. Всюду видны сѣрый и голубой цвѣта окраски. Высокіе холмы громоздятся вокругъ. То бѣлыя, то сѣровато-грязныя строеньица словно взбираются по ихъ скатамъ и тонутъ въ массѣ зелени. Внизу рѣка, бѣшено рвущаяся впередъ. Но тутъ уже пропадаетъ сѣдая старина и могуче проступаетъ ея всесильная побѣдительница—современность. На рѣкѣ дымитъ пароходъ; по красивому мосту, оставляя за собой цѣлыя тучи дыма, пробѣгаютъ паровозы, грохочутъ поѣзда; за той линіей, по которой они пробѣгаютъ, видны огромные корпусы фабрикъ.

Но дѣйствительность не влечетъ къ себѣ, даже какъ контрастъ, она оставляетъ по себѣ лишь недолгое впечатлѣніе; взоръ манитъ къ себѣ, запечатлѣвается въ памяти вся эта сѣдая древность, эта, по нынѣшнимъ временамъ, игрушечная крѣпость, эти высокіе узкіе дома, очень часто безъ оконъ на улицу, съ однѣми только едва замѣтными входными дверями. Такъ вотъ и чувствуется, что все это въ наше практическое время ни болѣе, ни менѣе, какъ красивая декорація изъ рыцарской оперы, но въ то-же время чувствуется также и то, что надъ этой декораціей вихремъ проносились вѣка и всеразрушающее время оказалось безсильнымъ предъ этимъ человѣческимъ сооруженіемъ...

Такое именно впечатлѣніе оставляетъ по себѣ Нарва, этотъ ничтожный, заштатный городишка, пріютившійся какъ разъ на рубежѣ двухъ губерній: Петербургской и Эстляндской.

Жаль, отъ души жаль этой красивой старины! Сколько преданій хранитъ она, сколько человѣческой крови пролито ради этого уголка. Дикари-эсты, датчане, шведы, новгородцы, литва, закованные въ желѣзо рыцари-меченосцы, потомъ всепоглощавшая Москва, дотянувшаяся и сюда изъ своихъ равнинъ, одновременно съ нею поляки, опять шведы и, наконецъ, царь-гигантъ Петръ Алексѣевичъ, получившій подъ этими стѣнами первый урокъ военнаго дѣла отъ своего юнаго противника, «коронованнаго викинга» Карла XII шведскаго, и все-таки добившійся своего: отнявшій у шведовъ эту теперешнюю игрушку, стоившую ему всей его молодой арміи.

Спитъ въ гробу царь Петръ Алексѣевичъ. Двѣ сотни лѣтъ пронеслись съ тѣхъ поръ, какъ возвратилъ онъ Нарву Россіи, и вотъ на смѣну дикарямъ-эстамъ, суровымъ рыцарямъ, смекалистымъ новгородцамъ и москвичамъ явились другого рода воинства. Выросли фабрики, краса Нарвы—ея водопадъ обратился въ усердная, не отдыхающаго и не пьянствующаго рабочаго; шумъ битвъ, штурмовъ, кровопролитій смѣнилъ безпрерывный стукъ машинъ; вмѣсто свистанья ядеръ, то и дѣло



НА ОХОТУ. Съ акварели **Н. Н. Каразина** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

слышны свистки паровозовъ и пароходовъ. Все перемѣнилось, сущность стала новою, но красивая ласкающая взоръ декорація осталась, какъ незыблемый памятникъ пронесшихся вѣковъ.

Вспомнимъ-же эти пронесшіеся вѣка, вспомнимъ, чему въ теченіе ихъ была свидѣтелемъ Нарва—древній Ругодавъ.

Тевтоны всегда отличались стремленіемъ къ распространенію и земельному захвату. Когда уже о знаменитомъ Готскомъ берегѣ съ его варягами-викингами скандинавско-славянскаго происхожденія стала пропадать память, они двинулись къ морю, благо для такого движенія у нихъ всегда былъ готовъ предлогъ: распространеніе свѣта Христовой истины среди бѣдныхъ, погрязшихъ въ духовной тьмѣ язычниковъ. Но нѣмцевъ опередили наслѣдники ваг яго-готовъ — датчане. Ихъ смѣльчаки-мореходы столько разъ пробирались по побережью Варяжскаго моря къ славному Невоозеру, черезъ которое легко можно было попасть въ богатый и славный Гольмъ-городъ—Новгородъ, что имъ давно уже надобны были на этомъ берегу мѣста для попутной стоянки. Отыскивая пути къ Новгороду, они попробовали пробираться въ него по впадавшей въ Варяжское море широкой и порожистой рѣкѣ, которую нынѣ называютъ Наровою, и, дѣйствительно, имъ удалось сократить путь—отъ Наровы рукой подать было до Плескова, какъ въ древнѣйшее время назывался Псковъ, а тамъ и Новгородъ былъ уже не за горами. Но совсѣмъ близко отъ устья — по нынѣшнему счету въ полуторавер стахъ — путь по Наровѣ внезапно преграждался каменной грядой, съ которой рѣка падала со страшной силой, дѣлая невозможнымъ проходъ къ своимъ истокамъ. Смѣльчаки-мореходы, однако, и не подумали считать эту преграду непреодолимой. Они прекрасно знали, какъ можно миновать такое мѣсто: нельзя идти по рѣкѣ, можно обойти тяжелое мѣсто съ суши: «волокомъ», благо суда въ то время были легки. Волокъ, т. е., перетаскиваніе судовъ по сухому пути, требовалъ времени, и вотъ около водопада, дѣлавшаго рѣку на нѣкоторомъ разстояніи непроходимою, появилось селенье, слѣды котораго долго оставались на лѣвомъ берегу Наровы.

Основаніе Ругодава, т. е., нынѣшней Нарвы, нѣмецкія хроники относятъ къ 1223 г., новгородская-же лѣтопись увѣряетъ, что Ругодавъ основанъ какимъ-то Дитманомъ фонъ Ковель въ 1256 г., т. е., въ то время, когда епископъ Альбертъ, распространяя мечомъ христіанство между ливами, эстами и корелами, основалъ Ригу и когда на мѣстѣ древней Колывани, эстская Линданиссе тожъ, явилась рыцарская крѣпость Ревель, гордо поднявшаяся у морского берега на крутомъ Вышегородскомъ холмѣ.

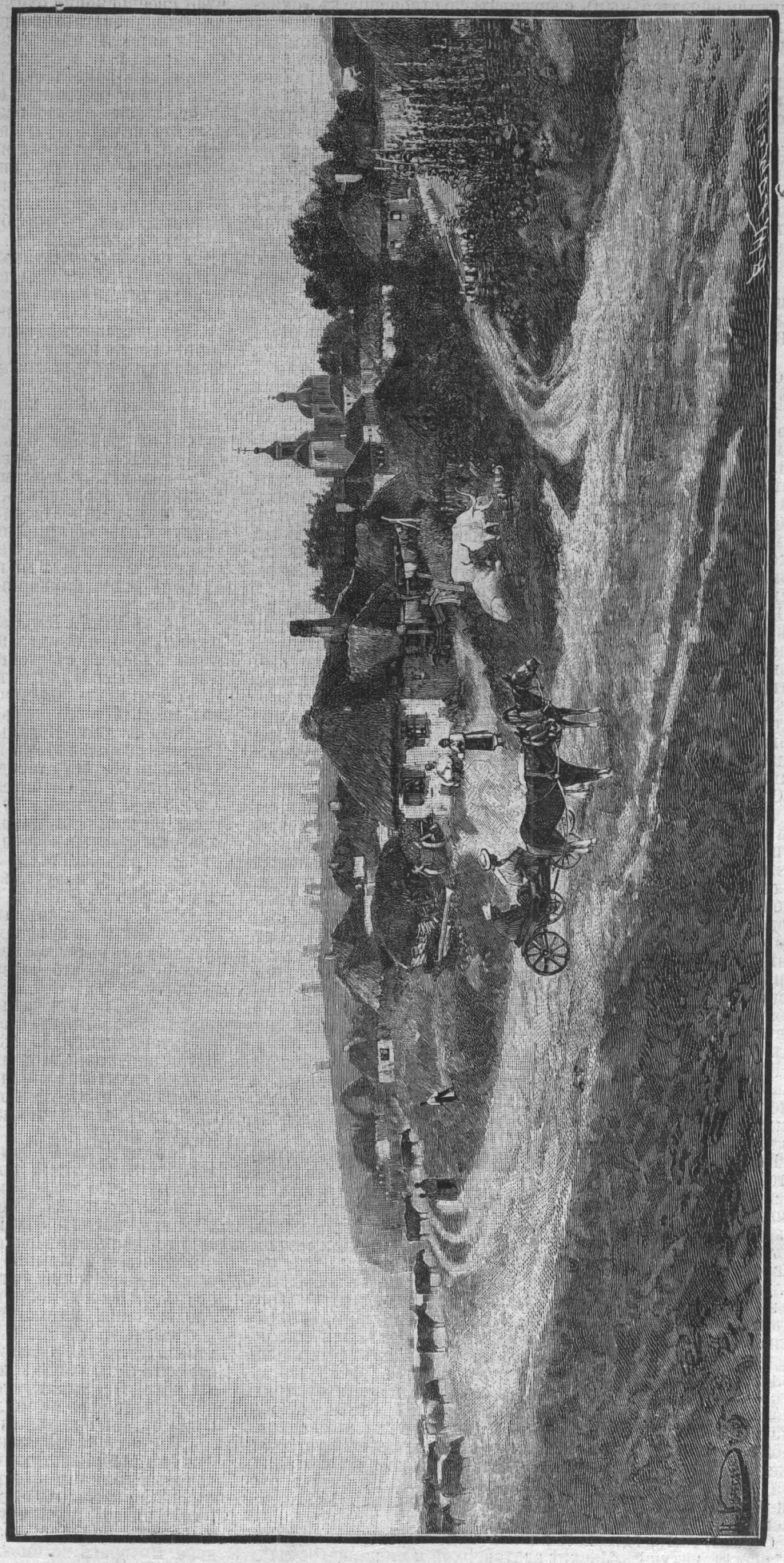
Въ Нарову пошли датчане, и пошли, конечно, подъ обычнымъ для всѣхъ завоевателей и даже для пиратовъ-завоевателей нашего времени предлогомъ: насаждать въ странахъ языческихъ вѣру Христову—точнѣе сказать, католицизмъ. Но это насажденіе Христовой вѣры, какъ и всегда, было одной только вывѣской

истинныхъ побужденій. На самомъ дѣлѣ раскидывавшая свои сѣти Ганза просто прокладывала новые пути для своихъ купеческихъ караванов. Путь по Наровѣ казался ганзейцамъ весьма удобнымъ. За водопадомъ—выше его, вплоть до такъ именуемыхъ нынѣ Омутскихъ пороговъ, отнимающихъ у рѣки около семи верстъ судоходнаго пространства, по ней разбросаны безчисленные острова, весьма удобные для устройства складочныхъ пунктовъ; но, кромѣ того, для ганзейцевъ важно было обезпечить за собой свободное движеніе по обоимъ берегамъ, и вотъ датчане, съ обычной для авантюристовъ смѣлостью, перебрались на правый берегъ и возвели тамъ свои факторіи. Такимъ образомъ, они перешли на псковскую землю, а древній Плесковъ изстари былъ пригородомъ г сподина Великаго Новгорода, этотъ-же «господинъ» очень не любилъ, когда чужаки пытались урвать изъ его достоянія хотя ничтожный клочекъ. Въ край явились новгородско-псковскія рати, начались кровопролитныя сѣчи и «нѣмцы» были прогнаны за Нарову, которая, впрочемъ, стала съ того времени границею между новгородскими и нѣмецкими владѣніями.

Прошло немного времени, и на лѣвомъ берегу появилась нѣмецкая крѣпость, а на правомъ—русская. Противники зорко слѣдили другъ за другомъ и не было числа мелкимъ пограничнымъ схваткамъ.

Однако, до 1347 г. Нарва оставалась все-таки во владѣніи датчанъ и лишь послѣ этого перешла къ Ливонскому ордену—рыцарямъ-меченосцамъ, исконнымъ врагамъ всего, что носило на себѣ русскій отпечатокъ. Новгородъ руками псковичей велъ ожесточенную борьбу съ орденомъ. Впрочемъ, въ эстскомъ краѣ эта борьба долго носила характеръ т. наз. «малой войны», т. е., противники добивались только разоренія края, а не рѣшительныхъ побѣдъ. Вниманіе новгородцевъ въ это время было устремлено въ другую сторону. Ихъ вѣковѣчные враги—шведы дѣлали упорныя попытки распространенія по Невскому протоку, угрожая запереть новгородцамъ выходъ изъ Невы въ Варяжское море. Въ Корелiи, близъ пограничной рѣки Сестры, выросъ Выборгъ; около устья Невскаго протока появилась могучая крѣпость Ландскрона. Противъ Выборга новгородцы ничего не могли подѣлать, Ландскрону-же они стерли съ лица земли, не оставивъ въ этомъ «вѣнцѣ земли» камня на камнѣ, и шведы были выброшены изъ невскаго устья. Около этого времени новгородцами былъ заключенъ на двадцать пять лѣтъ миръ съ орденомъ, такимъ образомъ у нихъ оказались развязанными руки и на Наровѣ. Они тронулись было туда уже послѣ того, какъ, въ 1449 г., были опустошены всѣ окрестности пограничной крѣпостцы, но конскій падежъ помѣшалъ ихъ походу. Однако, вскорѣ послѣ этого Нарва путемъ дипломатіи перешла къ ордену и съ новымъ хозяиномъ Новугороду ссориться не приходилось.

Впрочемъ, орденъ находился, несмотря на миръ, далеко не въ сердечной дружбѣ съ новгородцами. Пресловутое entente cordiale (сердечное согласіе) существовало толь-



ПРОѢЗДОМЪ. Съ акварели **Н. Н. Каразина** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

ко на крестномъ цѣлованіи, которое гордые меченосцы-рыцари не считали обязательнымъ сдерживать по отношенію къ «схизматикамъ». По берегамъ Наровы лилась кровь. Рыцари то и дѣло совершали наѣзды за рѣку; новгородцы, конечно, не оставались въ долгу со своей стороны. Край былъ разоряемъ съ обѣихъ сторонъ. Великій магистръ и посадникъ отписывались другъ предъ другомъ, оправдываясь разными небылицами, благо языкъ пословъ и въ то время былъ столь-же безкостенъ, какъ и нынѣ, и болталъ все, что внушалось пославшими ихъ.

Въ этихъ переговорахъ и рыцари, и новгородцы совершенно просмотрѣли появленіе новаго и опаснѣйшаго врага. Пока они занимались взаиморазореніемъ, возникла, разрослась, окрѣпла и потянула во всѣ стороны свои сѣти, подбирая ими все подъ свою руку, Москва. Московскіе государствостроители были поумнѣе, посмекалистѣе и подальновиднѣе зазнавшихся новгородцевъ и уже приходившаго къ своему упадку ордена. Они не могли упустить такой удобный случай, какъ непрекращавшаяся вражда двухъ противниковъ, вѣроятно, со стороны Москвы очень похожихъ на дерущихся пѣтуховъ.

Въ то время на Москвѣ царствовалъ ставшій уже къ тѣмъ грознымъ царь Іоаннъ Васильевичъ. Чтобы отдѣлаться отъ своего друга и совѣтника Алексѣя Адашева, онъ отправилъ его съ московскими дружинами въ Ливонію. Въ январѣ 1558 г. русское войско вышло изъ псковскихъ земель. Страшно было это шествіе. И новгородцы съ псковичами, и ливы съ эстами и ихъ хозяевами, меченосцами, были москвичамъ чужаками. И на тѣхъ, и на другихъ они смотрѣли, какъ на враговъ своего самодержавнаго царя-батюшки. Въ самое малое время край былъ опустошенъ верстъ на двѣсти окрестъ. Нѣмцы (рыцари) пробовали высылать противъ москвичей свои отряды, но москвичи разбивали ихъ. Цѣлый мѣсяцъ ничтожили московскія рати Ливонію и, наконецъ, Адашевъ даровалъ истомленной странѣ перемиріе. Магистръ послалъ къ царю просить о мирѣ, и Іоаннъ прекратилъ войну.

Но царь и орденъ примирились, а крохотная Нарва, неизвѣстно почему, миръ принять не пожелала и изъ Нарвы продолжали тучами летать ядра и стрѣлы въ отдѣленный только Наровою Ивангородъ, ставшій уже могучею крѣпостью на мѣстѣ первоначальнаго пограничнаго укрѣпленія новгородцевъ. Ивангородскій воевода потребовалъ объясненій. Жители Нарвы отвѣтили, что крѣпостной гарнизонъ стрѣляетъ самовольно и имъ его не унять. Тогда, по приказанію царя, ивангородскій воевода принялся самъ «унимать» непослушный гарнизонъ чужаковъ.

Способы военнаго унятія непокорныхъ извѣстны. Огненныя (каленыя?) и каменныя ядра изъ Ивангорода скоро показали нарвскому «князцу» (орденскому фогту Шпелленбергу), что ивангородскіе воеводы уговоры оставили въ прошломъ и шутить въ настоящемъ не намѣрены. Однако, Шпелленбергъ все-таки попробовалъ выдерживать бомбардированіе, ожидая помощи отъ своего магистра. Но магистръ не шелъ, а ивангородскія ядра, сыпавшіяся на Нарву въ теченіе недѣли, свое дѣло сдѣлали: городъ пылалъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, зданія рушились одно за другимъ, люди гибли. А подмога все не шла... Нарвцы поняли, что ихъ дѣло плохо, и смирились. Ратманы выѣхали къ воеводамъ, умолили ихъ прекратить бомбардировку и послали къ Грозному царю въ Москву пословъ и заложниковъ, предаваясь навсегда подъ власть Москвы.

Послѣдствіемъ этого явилось то, что Нарва стала русскою, т. е., москвичи перешагнули черезъ Нарову и укрѣпились на Нѣмецкой землѣ. Это было въ апрѣлѣ 1558 г. Царь приказалъ своимъ ивангородскимъ воеводамъ беречь Нарву, какъ городъ, ставшій отнынѣ уже русскимъ.

Но нарвскіе нѣмцы отличались совсѣмъ не свойственнымъ тевтонамъ легкомысліемъ. Только что стало извѣстно, что Нарва перешла къ русскимъ, какъ распространился слухъ, что на помощь нарвцамъ идетъ самъ магистръ Фюрстенбергъ съ тысячью воиновъ и къ нему спѣшитъ на присоединеніе командоръ ревельскій Загегафенъ. Эти слухи, ничѣмъ не подтвержавшіеся, однако, настолько одушевили нарвцевъ, что они послали своего ратмана Ромишко сказать русскимъ воеводамъ, что ихъ послы вовсе не были уполномочены отдавать Нарву подъ власть московскаго царя, и поэтому они не признаютъ заключеннаго ими договора. Скоро нарвцы осмѣлѣли еще болѣе, узнавъ, что къ Нарвѣ подходитъ командоръ феллинскій Кетлеръ. Въ ночь, послѣдовавшую за этимъ, нарвскій командоръ схватилъ русскую стражу и сдѣлалъ попытку ударить врасплохъ на русскихъ. Попытка не удалась. Русскіе отбили нападавшихъ, но зато очутились въ довольно двусмысленномъ положеніи. Изъ Москвы они были увѣдомлены о мирѣ и «береженіи» Нарвы, а, между тѣмъ, изъ Нарвы на нихъ сыпались ядра, гарнизонъ крѣпости усилился во время перемирія, русскія-же военныя силы значительно уменьшились. Положеніе русскихъ становилось критическимъ.

Однако, тамъ, гдѣ оказывались недостаточными силы человѣческія, матушкѣ Москвѣ златоверхой и ея царю-государю Іоанну Васильевичу, сидѣвшему въ это время въ Александровской слободѣ, пришла на помощь сила небесная. Свершилось чудо, своевременно отмѣченное достовѣрными лѣтописцами.

Одиннадцатаго мая почувствовавшіе себя хозяевами положенія нарвскіе нѣмцы начали озорничать въ Псковскомъ концѣ Нарвы, т. е., въ улицахъ, гдѣ жили наѣзжіе псковичи. Въ одномъ изъ домовъ они нашли икону Божіей Матери и, не долго думая, рѣшили ее сжечь. Но только что икона очутилась въ огнѣ, какъ вдругъ развилось огромное пламя, въ тотъ-же моментъ началась ужасная буря, пламя охватило ближайшія строенія, буря разнесла огонь—и вся Нарва очутилась въ огнѣ. Московскіе ратники, увидавъ огромный пожаръ, кинулись за Нарову, даже не ожидая приказанія своихъ воеводъ. Одни изъ нихъ переправлялись черезъ рѣку на лодкахъ, другіе—на попавшихся подъ руку бревнахъ или просто доскахъ. Воеводамъ не оставалось уже ничего другого, какъ поддержать своихъ смѣльчаковъ. Бояринъ Алексѣй Басмановъ и окольничій Данила Адашевъ (братъ бывшаго царскаго любимца) повели стрѣлецкіе полки на штурмъ Русскихъ воротъ Нарвы, а Иванъ Бутурлинъ съ остальными полками кинулся къ Колыванскимъ воротамъ. Бой былъ не дологъ. Москвичи ворвались въ пылающій городъ и началась страшная рѣзня. Нѣмцы скоро были загнаны въ Вышгородскую цитадель, гдѣ и заперлись.

А, между тѣмъ, пока все это происходило, Загегафенъ и Кетлеръ съ пѣхотой, конницей и артиллеріей стояли всего только въ трехъ миляхъ отъ города и не спѣшили на помощь, воображая, что въ Нарвѣ обыкновенный пожаръ и спѣшить имъ—значитъ, только мѣшать нарвскому гарнизону. Когда командоры опомнились, было уже поздно. Вышгородскій замокъ былъ взятъ русскими и осаждать крѣпость, поддерживаемую непосредственно изъ-за рѣки, представлялось безполезнымъ. Командоры удалились восвояси, а царь Іоаннъ Васильевичъ оказался къ нѣмцамъ настолько милостивъ, что отпустилъ всѣхъ нарвцевъ и даже подтвердилъ прежнія условія мира.

Послѣ взятія Нарвы, какъ свидѣтельствуетъ никоновская лѣтопись, «увидѣли на великомъ пламени образъ Пречистыя лежитъ лицомъ въ огонь и ничѣмъ невреженъ, а въ другомъ мѣстѣ нашли Николинъ образъ... и огонь началъ тишать». Царь приказалъ перенести образъ Богоматери въ Москву, гдѣ онъ и былъ поставленъ въ Успенскомъ соборѣ.

Нарва для Москвы стала своего рода «окномъ въ Европу». Этотъ городъ явился морскимъ портомъ, черезъ который въ Москву свободно проникали всякаго рода товары. Историкъ С. М. Соловьевъ указываетъ, что въ 1567 г. агентъ англійской компаніи Гудсонъ прибылъ въ Нарву съ кораблями, на которыхъ находилось на 11 тысячъ фунтовъ стерлинговъ разныхъ товаровъ: сукна, каразеи, соли. Гудсонъ продалъ ихъ въ Россіи за пятнадцать съ половиной тысячъ фунтовъ, т. е., получилъ болѣе 40% прибыли. Въ 1564 г. Гудсонъ явился съ тремя кораблями и, распродавъ ихъ грузъ, требовалъ, чтобы компанія, агентомъ которой онъ былъ, на слѣдующій годъ прислала не менѣе тринадцати кораблей, на которыхъ онъ предполагалъ погрузить скупленное здѣсь сырье. Отсюда видно, что черезъ Нарву пошли русскіе импортъ и экспортъ.

Однако, путь сюда былъ не безопасенъ. Въ морѣ корабли, направлявшіеся въ Нарву, подстерегали польскіе корсары, и Гудсону пришлось выдержать съ ними серьезную битву. Англичане разбили поляковъ, потопили одинъ ихъ корабль, четыре захватили въ плѣнъ и только одинъ изъ нападавшихъ кораблей успѣлъ уйти отъ побѣдителей. Осторожный Гудсонъ требовалъ, чтобы компанія слала суда непремѣнно хорошо вооруженными.

Можно думать, что польскіе корсары начали разбойничать неспроста. Польскій король Сигизмундъ Августъ прекрасно понималъ, что такое Нарва для Москвы. Онъ всѣми силами старался прекратить морскую торговлю съ Нарвой и, между прочимъ, писалъ англійской королевѣ Елизаветѣ: «Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему (московскому царю) не извѣстное; привозятъ не только произведенія искусства, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ получитъ возможность побѣждать всѣхъ. Намъ небезызвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ, но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что ему будетъ неизвѣстно?»

Но вотъ началась несчастная для Москвы война со Стефаномъ Баторіемъ. Іоаннъ утратилъ уже тѣ мощныя силы духа, которыя вели его къ побѣдамъ. Благодаря нерѣшительности, русскіе проигрывали войну. Присоединившіеся къ полякамъ и Литвѣ шведы, видя неудачи москвичей, опустошили Корелію и Ижору и кинулись къ Нарвѣ, и въ 1579 г. Нарва была осаждена. Но враги не смогли взять крѣпость и, напрасно простоявъ подъ нею три недѣли, 27-го сентября сняли осаду.

Несчастная война, между тѣмъ, продолжалась. Литовцы появились на Волгѣ; Ваторій требовалъ, чтобы шведы разорили Поморье, взяли Николаевскую гавань, Холмогоры и Бѣлозерскъ — важнѣйшіе пункты сѣверной морской торговли Россіи. Шведское правительство предпочло ударить на истощенную Ливонію, избравъ конечною цѣлью опять-таки Нарву, черезъ которую Москва вела торговлю не только съ Англіей, но уже и съ Даніей, Германіей, Нидерландами. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ русская Ливонія перешла въ руки шведовъ; Нарва, подъ которой въ кровопролитной битвѣ пало семь тысячъ русскихъ, тоже была взята, но побѣдители ею не ограничились. Ихъ полководецъ, французъ Понтусъ Делагарди, перешелъ Нарову, взялъ Ивангородъ, Ямь, Копорье, разбилъ на-голову и взялъ въ плѣнъ остатки московскихъ дружинъ.

Это было въ 1581 г. и на столѣтіе съ четвертью Россія потеряла и Нарву, и Ливонію. Впрочемъ, кое-что изъ потеряннаго удалось черезъ девять лѣтъ вернуть сыну Грознаго, царю Ѳеодору, вѣрнѣе—Борису Годунову. Въ 1590 г., въ январѣ мѣсяцѣ, русскіе отвоевали Ямь и осадили Нарву, комендантомъ который былъ Карлъ Горнъ. Предъ этимъ, 27-го января, русскій воевода передового полка (т. е., авангарда) Дмитрій Хворостининъ разбилъ подъ Нарвой шведскаго полководца Густава Бакера, выступившаго противъ него съ двадцатитысячнымъ отрядомъ, но самую Нарву взять русскимъ не удалось. Восемнадцатаго февраля русскіе пошли на отчаянный штурмъ. Верховодили штурмомъ воевода Сабуровъ и князь Иванъ Такмановъ. Въ числѣ штурмовавшихъ дружинъ, кромѣ стрѣльцовъ, были мордовскіе и черкесскіе воины. Городъ отбилъ русскихъ. Сабуровъ и Такмановъ пали одними изъ первыхъ. Однако, сдача Нарвы была, несмотря на удачу шведовъ, вопросомъ всего нѣсколькихъ дней. Стѣны Нарвы были почти разрушены русской артиллеріей; на Ревель былъ выставленъ сильный заслонъ и Горну нечего было оттуда ждать помощи. Но въ это время начались переговоры о мирѣ и царь Ѳеодоръ, какъ сказано въ «приказныхъ бумагахъ» того времени, «исполняя христіанское моленіе Годунова» (псковская лѣтопись отмѣчаетъ: «Ругодива не могли взять, понеже Борисъ имъ (шведамъ) норовилъ, изъ наряду (артиллеріи) билъ по стѣнѣ, и по башнямъ, и по отводнымъ боямъ бити не давалъ»), удовольствовался прежнимъ рубежомъ. Русскіе возвратили себѣ Ивангородъ, Копорье и заключили на годъ перемиріе.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ война возобновилась; шведскій полководецъ Іорикъ Бое еще до истеченія этого перемирія предательски напалъ на Ивангородъ, но былъ отбитъ, а вслѣдъ затѣмъ ивангородскій воевода Сабуровъ (Иванъ) въ удачную вылазку разбилъ на голову и Бое, и подоспѣвшаго къ нему съ подкрѣпленіями герцога Зюдерманландскаго. Ивангородъ, Ямь, Копорье возвратились къ русскимъ, но Нарва осталась за шведами.

Однако, въ Нарвѣ долго еще обнаруживалось стремленіе къ Россіи. Въ царствованіе Бориса Годунова, приблизительно около 1599 г., въ Нарвѣ былъ обнаруженъ заговоръ, цѣлью котораго была сдача русскимъ. Заговорщики жестоко поплатились за свое руссофильство: всѣ они были казнены.

Настало смутное время и Ивангородъ опять перешелъ къ шведамъ, но вскорѣ послѣ того даже и Нарва потеряла свое торговое значеніе. Въ 1659 г. велись переговоры у Москвы со шведами о вѣчномъ мирѣ. Русскій посолъ Нащокинъ съѣхался со шведскимъ посломъ Бентгорномъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, между Дерптомъ и Ревелемъ. Нашокину было приказано потребовать возврата Россіи Ивангорода для корабельной пристани, и вотъ что писалъ русскій дипломатъ второй половины XVII вѣка, послѣ того какъ побывалъ на Наровѣ: «Отъ Ивангорода прибыли никакой нѣтъ. Нарва получше его, и та теперь запустѣла, потому что отъ Новгорода торги худы». Въ концѣ своихъ объясненій Нащокинъ высказывалъ, что одинъ Ивангородъ — лишняя обуза, потому что «черезъ Нарову-рѣку съ городомъ Нарвою безпрестанныя ссоры и крови были; невозможно быть покою, если эти оба города не будутъ за однимъ государемъ».

«За однимъ государемъ» Нарва съ Ивангородомъ стали не скоро — только черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ того, какъ высказывалъ московскому правительству свои соображенія Нащокинъ. Появился тогда на Руси царь-богатырь, который сумѣлъ вернуть своей родинѣ всѣ ея утраченныя достоянія...

Этотъ царь-богатырь былъ царь Петръ Алексѣевичъ, но и ему не сразу удалось вернуть къ себѣ Нарву.

Въ августѣ 1700 г. началась война, въ которой коалиція изъ трехъ государствъ — Россіи, Польши и Даніи—выступила противъ одной Швеціи, гдѣ тогда царствовалъ молодой и неукротимый король Карлъ XII. Царя Петра вовлекли въ коалицію тѣмъ, что Августъ Саксонскій, король Польши, и Фридрихъ, король датскій, черезъ подосланнаго къ молодому московскому царю шведскаго измѣнника Паткуля, пообѣщали помочь вернуть Ингерманландію, Корелію и Ижору, т. е., все теченіе Невы и ея устье. Но Петръ разсудилъ, что всѣ эти пріобрѣтенія не уйдутъ и послѣ, а что лучше прежде всего возвратить Россіи Эстляндію и Лифляндію, омываемыя моремъ, которое онъ такъ любилъ. Поэтому-то волей судьбы и суждено было Нарвѣ въ самомъ началѣ этой войны сыграть выдающуюся роль. Подъ стѣнами Нарвы русская только создавшаяся армія попала въ такую бѣду, которая долго послѣ этого носила спеціальное названіе «нарвской бѣды».

Въ половинѣ октября мѣсяца 1700 г. тридцатипятитысячная русская армія уже стояла подъ Нарвой лагеремъ, расположившись въ видѣ полукруга на лѣвомъ берегу Наровы. Выше крѣпости со стороны пороговъ расположилась дивизія суроваго генерала Вейде—шесть пѣхотныхъ и одинъ драгунскій полкъ; къ ней примыкала иррегулярная конница московскаго, смоленскаго и новгородскаго разрядовъ подъ командой Шереметева. Въ центрѣ стояли полки князя Трубецкого: два новонабранныхъ пѣхотныхъ полка, новгородскіе и московскіе стрѣльцы и ополченіе дворянъ новгородскаго разряда; влѣво отъ центра до рѣки протянулась дивизія фельдмаршала Головина—шесть пѣхотныхъ полковъ и одинъ драгунскій, а за нимъ гвардейскіе полки подъ командой Бутурлина.

Нарва была осаждена; оставалось только взять ее...

Осень, какъ и всегда въ этомъ краѣ, выдалась гнилая. Дожди, мелкіе, пронизывающіе до костей, моросили изо дня въ день; густые, почти не прекращавшіеся туманы укутывали непроницаемою пеленою и осажденный городъ, и лагерь осаждавшихъ. Скоро къ губительно дѣйствовавшей сырости присоединился еще голодъ: провіанта для прокормленія тридцати пяти тысячъ явившихся подъ Нарву русскихъ невозможно было достать въ бѣдномъ и разоренномъ войнами краѣ.

Красиво выглядывали и Ивангородъ, и Нарва даже въ осеннее ненастье. Словно узорной лентой окаймляли ихъ стѣны съ башнями на углахъ и бойницами. На высокой горѣ видны были многочисленные дома занятаго шведами города; среди домовъ тонкой высочайшей иглою тянулся къ небу шпиль собора. За Нарвой въ отдаленіи виднѣлось недалекое море, пустынное въ эту пору года. Справа отъ города змѣилась не широкая, но быстрая и порожистая рѣка Нарова съ двумя большими водопадами, несмолчно ревѣвшими почти у самаго города и крѣпостей. Край окрестъ былъ голъ и пустыненъ. Бѣднѣйшее населеніе его, перепуганное внезапно разразившеюся военною грозою, разбѣжалось по недоступнымъ лѣснымъ трущобамъ; все, что поддавалось огню, еще до прихода русскихъ было выжжено конными полками пятитысячнаго отряда шведскаго генерала Веллинга, единственной крупной силы шведовъ въ этомъ краѣ.

Какъ только подошли русскіе полки, сразу-же рушились всѣ надежды на скорое взятіе крѣпости. Храбрецъ Горнъ усѣлся за высокими стѣнами Нарвы и грубыми насмѣшками отвѣчалъ царю Петру на всѣ предложенія о сдачѣ. Штурмъ-же крѣпости прямо представлялся немыслимымъ. Всѣ подступы обстрѣливались крѣпостной артиллеріей, да и войска были слишкомъ переутомлены, и слишкомъ велико было число больныхъ, чтобы съ остававшимися здоровыми рискнуть на взятіе крѣпости открытой силой.

Штурму предпочли осаду—надѣялись, что король Карлъ займется Польшей и Августомъ Саксонскимъ и въ этотъ край и не кинетъ взгляда.

Потянулись дни подготовительныхъ работъ. Воины Петра обратились въ землекоповъ. Вырывались канавы и рвы, насыпались валы, возводились баттареи для девятидесяти орудій, прибывшихъ вмѣстѣ съ арміей подъ Нарву.

Какъ простой солдатъ-рабочій, съ утра до ночи трудился наравнѣ со всѣми царь Петръ Алексѣевичъ. Пробудилась его мощная энергія, забылъ онъ, что не для черной работы созданы его руки—забылъ, ибо долженъ былъ показать примѣръ своимъ упавшимъ было духомъ соратникамъ и, главное, той массѣ простыхъ сердцемъ русскихъ людей, для которыхъ онъ, царь великій и пресвѣтлый, являлся идеаломъ и образцомъ.

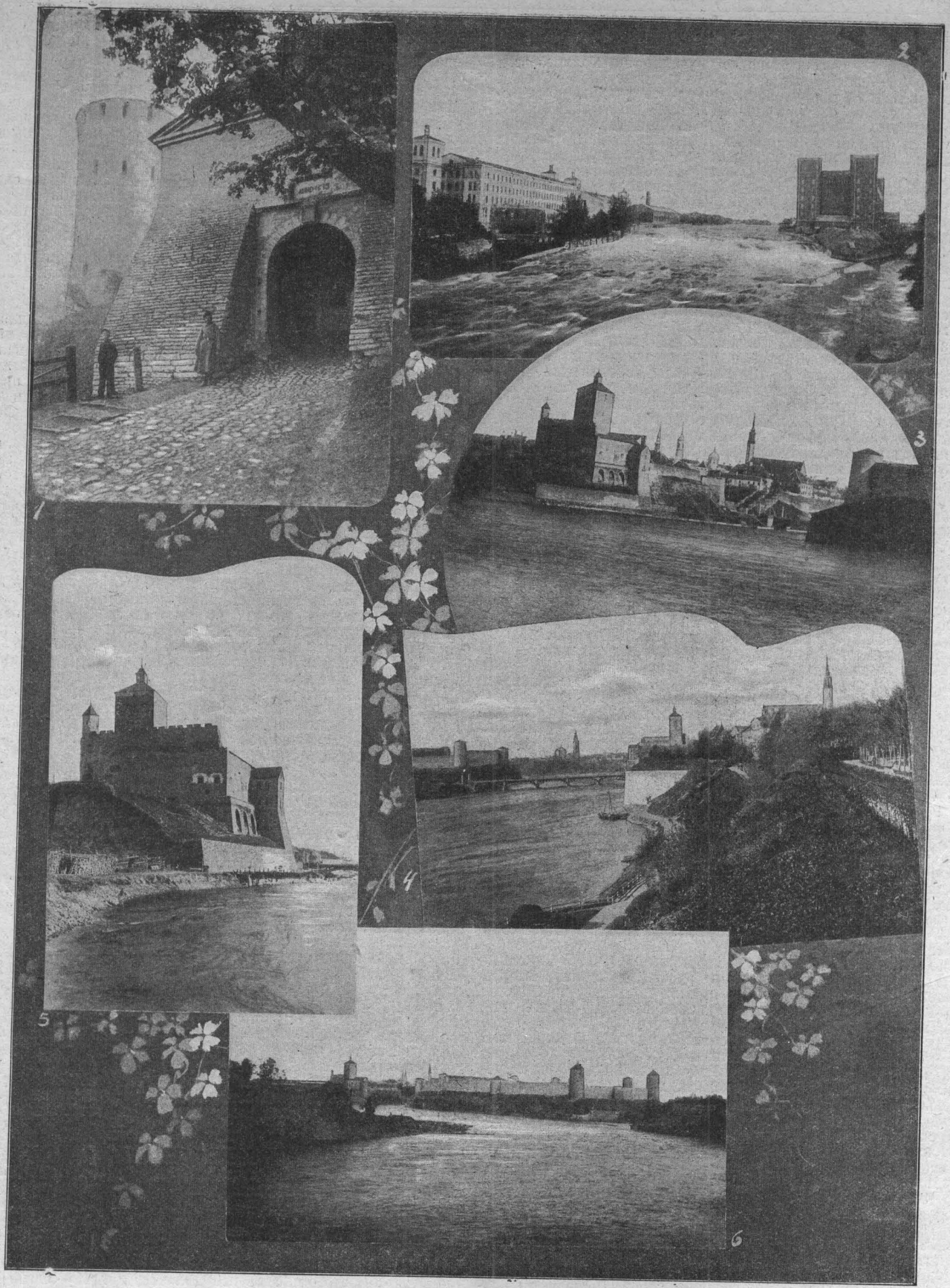
Чуть только свѣтъ забрежжитъ,—въ густомъ туманѣ уже всюду начинается движеніе, и вездѣ, гдѣ только особенно оживленно, тамъ въ центрѣ царь московскій Петръ Алексѣевичъ. Тамъ онъ милостивымъ словомъ ободряетъ трудящихся, здѣсь со своимъ начальникомъ артиллеріи, иностранцемъ Аллартомъ, разсуждаетъ, какъ установить пушки, чтобы поскорѣе разбить нарвскія стѣны. Постоянно видятъ его среди своего лагеря солдаты, «ура» ихъ, радостныя и привѣтныя, такъ и вспыхиваютъ, словно взрывы какіе, такъ и рвутся изъ тысячъ грудей, и кипитъ работа, быстро выростаютъ земляныя укрѣпленія.

Всегда надутый, всегда полный гордости герцогъ де-Кроа, наемный австрійскій полководецъ, присланный къ Петру съ солидными рекомендаціями, однажды даже спросилъ у государя, зачѣмъ это онъ самъ все дѣлаетъ, когда у него безъ числа работниковъ?

Петръ только улыбнулся въ отвѣтъ цесарцу да сказалъ ему по-голландски:

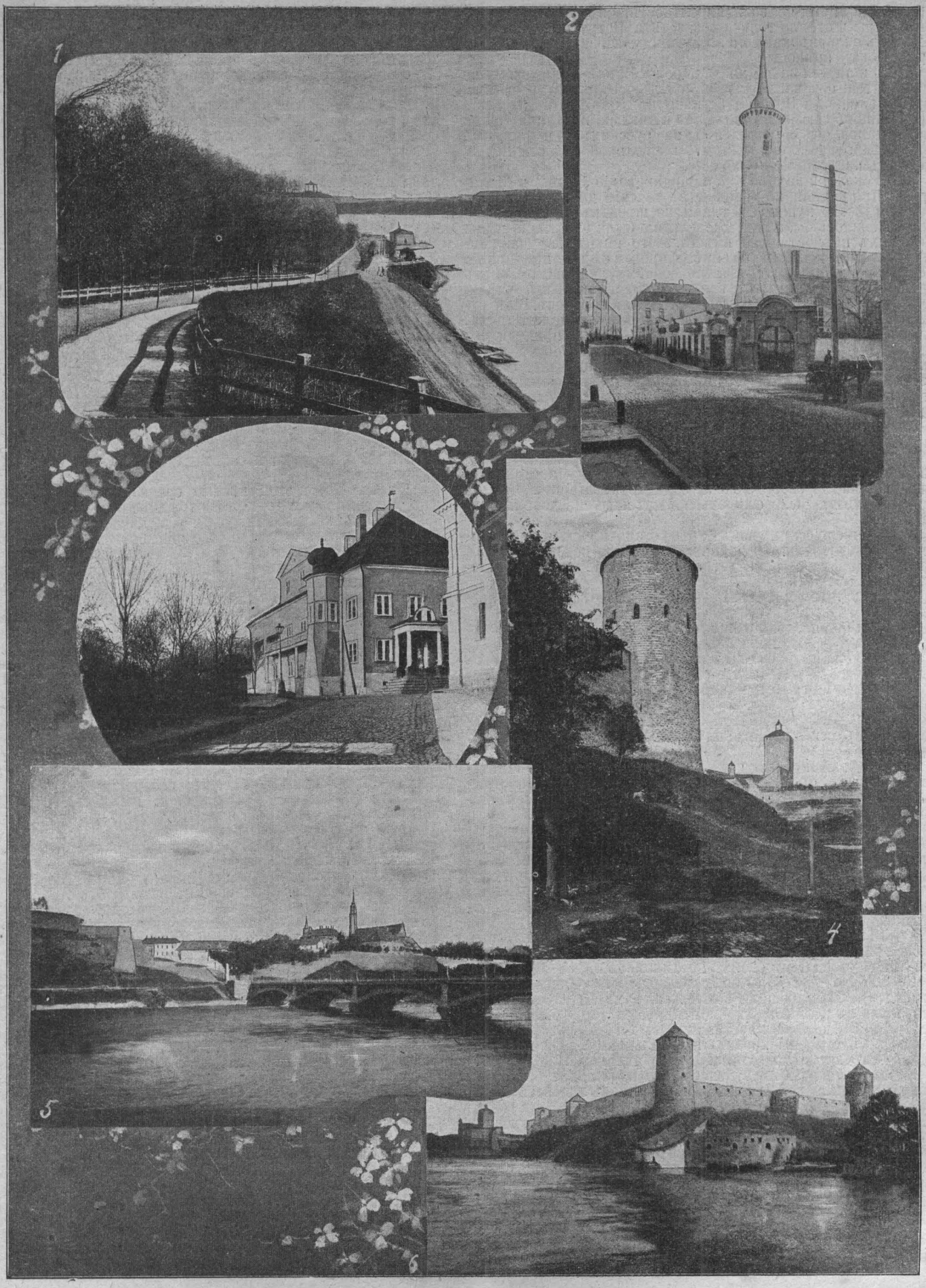
— Всякій долженъ трудиться, кто ѣсть хочетъ; вспомните, это апостолъ Павелъ говорилъ!

Однако, труды представляли и опасность. Лазутчиковъ у



КЪ ДВУХСОТЛѢТІЮ ВЗЯТІЯ НАРВЫ.

1. Шведскія ворота Ивангородской крѣпости. 2. Кренгольмскій водопадъ. 3 и 4. Виды на г. Нарву. 5. Германъ Длинный. 6. Видъ на крѣпость. По фотогр. Н. Ольшанскаго.



КЪ ДВУХСОТЛѢТІЮ ВЗЯТІЯ НАРВЫ.

1. Пароходная пристань на р. Наровѣ. 2. Православный соборъ. 3. Дворецъ Петра Великаго. 4. Одна изъ башенъ Ивангородской крѣпости. 5. Общій видъ города. 6. Ивангородская крѣпость. По фотогр. Н. Ольшанскаго.

Горна было много; по всей вѣроятности, онъ зналъ, гдѣ бываетъ царь, и стоило только показаться Петру на линіи возводимыхъ окоповъ, какъ по этому мѣсту сейчасъ-же начинали стрѣлять изъ крѣпости.

Такъ шли дни за днями. О королѣ Карлѣ попрежнему не было вѣстей; онъ какъ-будто позабылъ о Нарвѣ и о русскихъ. Впрочемъ, еще въ Новгородѣ увѣдомили царя, что шведскій король ищетъ союза съ Голландіей и Англіей, и, если-бы такой союзъ удался, онъ обрушился-бы на русскихъ со всѣми своими силами; однако, и объ этомъ, къ великой радости Петра, никакихъ извѣстій не приходило.

20-го октября началось бомбардированіе Нарвы и Ивангорода. Двѣ недѣли, не умолкая въ теченіе дня ни на часъ, ревѣли русскія пушки, высылая по шведамъ тучи ядеръ и бомбъ. Казалось-бы, давно уже должны были рушиться стѣны шведскихъ крѣпостей, но вмѣсто этого никакихъ даже ничтожныхъ поврежденій эта бомбардировка имъ не причинила. Русскіе артиллеристы оказались совсѣмъ непривычными къ обращенію съ пушками—стрѣлять и пристрѣливаться не умѣли, и выходила одна только напрасная трата снарядовъ. Было пущено 1.000 бомбъ и 3.000 ядеръ, и всѣ онѣ пропали даромъ. Началъ ощущаться въ нихъ недостатокъ. Теперь приходилось жалѣть о томъ, что огромный артиллерійскій обозъ точно такъ-же, какъ и провіантскій, не дошелъ цѣликомъ до Нарвы. Разсужденія австрійскаго герцога оказывались хороши только тогда, когда все ими и оканчивалось; когда-же доходило до живого дѣла, все, что казалось вполнѣ расчитаннымъ, предусмотрѣннымъ, рушилось и обращалось во вредъ осаждавшимъ, разстраивая всѣ ихъ планы.

Но увлеченіе герцогомъ не проходило. Попрежнему молодой царь вѣрилъ въ его авторитетъ, въ его способности и считалъ де-Кроа для своего войска единственнымъ вождемъ, съ которымъ можно было ожидать побѣды надъ шведскими войсками.

Положеніе русскихъ подъ Нарвой становилось, между тѣмъ, все тяжелѣе. Болѣзни развивались быстро, недостатокъ въ провіантѣ давалъ себя знать; артиллерійскіе снаряды истощились, въ полкахъ развивалось уныніе.

— Пропадать, видно, намъ всѣмъ здѣсь!—все чаще и чаще раздавался говоръ.

— Хотя-бы шведы подошли да бой вышелъ! — толковали среди солдатъ,—все одинъ конецъ-бы!

Однако, обаяніе царя на этихъ измученныхъ, голодныхъ людей было такъ велико, что ропота не было. Да и чего было роптать, когда самъ Петръ переносилъ тѣ-же лишенія, какъ и всѣ его воины?

Ко всему этому прибавилось обстоятельство, еще болѣе удручившее русскихъ и даже на самого Петра повліявшее очень непріятно.

Въ преображенскомъ полку вторымъ бомбардиръ-капитаномъ—первымъ былъ самъ царь Петръ—состоялъ иностранецъ, шведъ по происхожденію, Гуммордтъ. Царь во всемъ довѣрялъ ему. Онъ обласкалъ этого выходца, заботился о его семьѣ, приблизилъ даже къ себѣ, но, видно, «какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ». Этотъ Гуммордтъ ушелъ въ Нарву, сообщилъ тамъ, что осаждавшее крѣпости войско неспособно къ штурму, что среди него развились болѣзни и свирѣпствуетъ голодъ и поэтому московская рать, несмотря на свою многочисленность, вовсе уже не такъ страшна, какъ кажется издали...

Результаты этой измѣны не замедлили сказаться. Горнъ прислалъ царю ядовитое письмо, въ которомъ прямо издѣвался надъ безсиліемъ своихъ противниковъ.

Не столько чувство гнѣва, сколько чувство обиды владѣло Петромъ, когда онъ узналъ объ измѣнѣ Гуммордта. Эта измѣна подрывала въ полкахъ, гдѣ командирами ротъ было много иностранцевъ, довѣріе къ нимъ; и безъ того-то русскіе были враждебно настроены противъ пришельцевъ, а тутъ преступленіе одного изъ нихъ вызывало подозрѣніе противъ всѣхъ—не въ Петрѣ, онъ по Азову зналъ, что измѣнники возможны всюду, а среди людей, терпѣвшихъ чужаковъ въ своей средѣ только потому, что такъ было угодно государю...

Однако, и въ такомъ положеніи царь рѣшилъ не отходить отъ Нарвы. Между тѣмъ, дѣла русскихъ подъ Нарвою были совсѣмъ плохи. Осада превратилась въ нѣчто странное. Почти тридцать пять тысячъ войска стояли подъ обѣими крѣпостями и ничего не могли подѣлать съ ничтожнымъ гарнизономъ. Нарвскій комендантъ Горнъ становился прямо-таки нахаленъ. Письма его приняли вызывающій тонъ, словно онъ былъ не осажденный, а нападающій.

А тутъ ко всей этой неурядицѣ прибавилось новое обстоятельство, еще болѣе ухудшившее положеніе.

Петръ очутился одинъ предъ врагомъ, на котораго онъ поднялся борьбою лишь потому, что у него было двое союзниковъ. Союзники силоховали, какъ только военное счастье отвернулось отъ нихъ. Датчане уже заключили постыдный для себя миръ со Швеціей. Саксонскія войска короля Карлъ разбивалъ всюду, гдѣ только ни встрѣчался съ ними, и, въ концѣ концовъ, заставилъ ихъ уйти въ предѣлы Польши. Вся Лифляндія и Эстляндія были очищены шведами отъ непріятеля, только подъ Нарвою оставались русскіе. По самому ходу событій шведскій король долженъ былъ обратиться противъ нихъ. Однако, Карлъ все еще медлилъ. Онъ словно умышленно оставлялъ русскихъ въ покоѣ, усыпляя ихъ бдительность.

Слухи о томъ, что король Карлъ готовится къ походу подъ Нарву, становились все упорнѣе.

На Колыванской дорогѣ занимала сторожевые посты конница Бориса Петровича Шереметева. На обязанности этого отряда лежали развѣдки о дѣйствіяхъ генерала Веллинга, и довольно частыя стычки большею частью кончались тѣмъ, что русскіе брали верхъ надъ шведами. Шереметевъ верстъ на 70—80 уже отошелъ отъ Нарвы и вдругъ началъ спѣшно отступать...

Скоро осаждавшіе узнали, что причиною этого отступленія было приближеніе отборнаго шведскаго войска къ Нарвѣ; во главѣ отряда, небольшого,—всего только восемь съ половиной тысячъ человѣкъ—но одушевленнаго недавними побѣдами надъ датчанами и саксонцами, шелъ на русскихъ самъ король Карлъ...

Но вмѣстѣ съ этой вѣстью среди осаждавшихъ войскъ распространилась и другая. Въ то самое время, когда столкновеніе казалось неизбѣжнымъ и близкимъ, царь Петръ Алексѣевичъ рѣшилъ оставить свое войско подъ Нарвой и уѣхать отъ него въ Новгородъ.

Подобный отъѣздъ объяснялся очень просто.

Наступила зима, начались уже метели, и близости шведскаго отряда особаго значенія не придавали. Трудно было думать, чтобы шведы пошли на Нарву, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не установится зима. Дороги въ Лифляндіи стали прямо непроходимыми; движеніе налегкѣ, безъ обоза, было чрезвычайно рискованно въ совершенно опустѣвшемъ краѣ. Такимъ образомъ, очень скоро Карла ждать было нечего—объ этомъ говорилъ, на основаніи всевозможныхъ стратегическихъ соображеній, и герцогъ де-Кроа, находившійся все это время подъ Нарвой. Молодой царь попрежнему былъ убѣжденъ въ авторитетности австрійца и рѣшилъ воспользоваться временемъ и собрать для своей нарвской арміи подкрѣпленій въ своихъ ближайшихъ областяхъ. Кромѣ всего этого, Петръ былъ увѣренъ, что цесарскій стратегъ лучше, чѣмъ онъ, управится съ Карломъ и шведами, если-бы они явились въ его отсутствіе подъ Нарву. Онъ упросилъ де-Кроа принять главное начальство надъ своей арміей, а самъ 18-го ноября, вмѣстѣ со своимъ фельдмаршаломъ Головинымъ, уѣхалъ въ Новгородъ.

Цѣлый день послѣ отъѣзда царя шелъ густой снѣгъ; къ ночи надъ лагеремъ осаждавшихъ завыла буря.

Дрожа отъ холода, изнемогшіе, голодные, укладывались на ночлегъ русскіе воины. Не первую уже такую ночь приходилось проводить имъ, но, какъ нарочно, на этотъ разъ снѣжная буря все крѣпчала, вѣтеръ рвалъ палатки, разметывалъ кое-гдѣ тлѣвшіе костры. Въ такія ночи не до битвъ. Укрыться-бы только какъ-нибудь потеплѣе да забыться тяжелымъ сномъ. Но спать мало кому пришлось... Задолго еще до утра весь лагерь былъ поднятъ на ноги.

То поодиночкѣ, то группами являлись съ колыванской дороги всадники. Они принесли вѣсть, заставившую многія сердца вздрогнуть отъ ужаса. Въ сорока верстахъ отъ Нарвы шведы разгромили шереметевскій отрядъ, обратили его въ бѣгство и теперь шли по пятамъ за бѣглецами.

Этого среди осаждавшихъ не ожидалъ никто, даже самъ новый главнокомандующій герцогъ де-Кроа.

— Не можетъ того быть!—воскликнулъ онъ.—По правиламъ стратегическаго искусства, король Карлъ не будетъ давать битву въ такую погоду... Да и придти онъ не можетъ, эта тревога ложная!

(Продолженіе будетъ.)

Заслуженное счастье.

Разсказъ Ив. Епифанова.

СЧАСТЬЕ? Что такое счастье? Каждый человѣкъ жаждетъ счастья и оно у каждаго бываетъ свое.

Анна Михайловна Слѣпцова также мечтала о счастьѣ. Мечтала о немъ, сидя еще на школьной скамьѣ, а тогда высшимъ счастьемъ для нея было получить хорошій баллъ, мечтала предъ выпускными экзаменами и была счастлива, когда получила дипломъ, заполненный хорошими отмѣтками. По окончаніи гимназіи, она мечтала о счастьѣ внести въ семью свою долю труда, помогая своей работой старушкѣ-матери.

И Анна Михайловна помогала, помогала по мѣрѣ силъ и возможности. Она бѣгала по урокамъ и весь свой заработокъ приносила матери. Какъ ни скроменъ былъ этотъ заработокъ, но онъ все-таки увеличивалъ бюджетъ небогатой семьи и даже позволялъ Аннѣ Михайловнѣ посѣщать фельдшерскіе курсы.

— И зачѣмъ ты, Нюша, такъ утруждаешь себя?—часто говорила старушка Слѣпцова, проводя своей морщинистой рукой по головѣ своей дочки, — бросила-бы ты эти курсы, ей-Богу, а то изведешься вся.

— Нельзя, мамочка, нельзя, голубушка!—весело отвѣчала молодая дѣвушка, — уроки не вѣчны, а вотъ изучу я фельдшерское дѣло и у насъ съ тобой навсегда будетъ обезпеченъ кусокъ хлѣба.

— Умница ты моя, знаю, что все это для пользы ты дѣлаешь, а жаль мнѣ тебя, устаешь ты ужъ очень.

— Ничего!

Такъ тянулись дни за днями, мѣсяцъ за мѣсяцемъ.

На Дальнемъ Востокѣ разразилась военная гроза. Десятки тысячъ солдатъ отправлялись туда и сотни врачей, сестеръ милосердія и санитаровъ помчались вслѣдъ за сѣрыми героями, чтобы тамъ, на поляхъ брани, облегчить страданія раненыхъ.

Среди сестеръ милосердія одного изъ первыхъ отрядовъ отправилась и Анна Михайловна Слѣпцова, охотно принятая въ число сподвижницъ русскаго солдата, какъ бывшая на фельдшерскихъ курсахъ и знакомая съ дѣломъ ухода за больными.

Анна Михайловна поступила въ сестры милосердія, не сказавъ объ этомъ ни слова своей матери. Она не хотѣла, чтобы старуха волновалась раньше времени, и лишь за день до отъѣзда объявила, что уѣзжаетъ.

— Прости, мамочка, что я молчала, — говорила Анна Михайловна,—но я такъ боялась разстроить тебя, да и себя тоже, боялась твоихъ уговоровъ, ради которыхъ могла остаться и не помочь святому дѣлу.

Глаза старушки затуманились слезами.

— Нюрочка, голубушка, я-то какъ-же?

— Я мама писать тебѣ буду, писать буду часто-часто.

— А вдругъ убьютъ тебя, голубку?

— На все воля Божья. Но мнѣ что-то подсказываетъ, что тамъ, среди битвъ, среди раненыхъ, я найду свое счастье, то счастье, котораго я такъ жадно ищу.

— Ну, спаси тебя Господь! А когда уѣзжаешь?

— Завтра, мама.

— Такъ скоро?

— Весь нашъ отрядъ ѣдетъ.

— Милая! Да благословитъ тебя Божья Матерь на твоемъ тяжеломъ пути!

Мать и дочь крѣпко обнялись.

Утромъ Анна Михайловна, напутствуемая благословеніемъ матери, вмѣстѣ съ другими сестрами сѣла въ поѣздъ, который и умчалъ ихъ въ далекія манчжурскія степи.

Гроза военной непогоды разыгрывалась. Дашичао, Айчанчжинъ, Ляоянъ, Янтай, Шахэ, Мукденъ. Кровь лилась рѣкой. Во время отступленія отъ Мукдена отрядъ, въ которомъ находилась Анна Михайловна, теперь сестра Слѣпцова, отходилъ однимъ изъ послѣднихъ, подбирая раненыхъ. Во время одной изъ переправъ черезъ рѣку у самой воды, въ зарослях высокаго камыша, Слѣпцова замѣтила лежащаго безъ чувствъ офицера. Побѣлѣвшее лицо было обращено къ небу, раскинутыя руки скорченными пальцами ухватились за траву, на груди виднѣлось красное кровавое пятно. Губы офицера беззвучно шевелились, голова время отъ времени покачивалась изъ стороны въ сторону. Слѣпцова наклонилась надъ раненымъ и, разстегнувъ сюртукъ, приложила руку къ его сердцу. Оно слабо билось, а изъ зіяющей на груди раны хлынула кровь.

— Живъ! Слава Богу! — зашептала сестра, привычными руками сдѣлала первую перевязку и насильно влила сквозь сжатые зубы въ ротъ офицера нѣсколько капель коньяка.

Чуть замѣтный румянецъ разлился по блѣдному лицу раненаго, губы его разжались.

— Пить! — зашепталъ онъ.

Слѣпцова приставила къ губамъ офицера фляжку съ водой, которую тотъ жадно глоталъ. Черезъ минуту онъ открылъ глаза.

— Гдѣ я? — спросилъ онъ у сестры.

— У своихъ, у своихъ!

— Что со мной? Отчего у меня боль въ груди?

— Вы ранены... Попробуйте встать. Можете?

— Могу, только... Оставили-бы вы меня, тамъ есть раненые, болѣе нуждающіеся въ уходѣ, чѣмъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, вставайте... Вотъ такъ.

Слѣпцова помогла офицеру приподняться и тотъ оперся къ ней на плечо, а сестра обхватила его за талію.

— Теперь въ путь, за рѣкой есть носилки.

Медленно-медленно плелась эта пара подъ грохотъ рвущихся снарядовъ и свистъ пуль. До санитарнаго отряда оставалось уже нѣсколько шаговъ, но Слѣпцова чувствовала, что ея паціентъ слабѣетъ и все тяжелѣе и тяжелѣе опускается къ ней на плечо.

— Носилки! — приказала сестра.

Подбѣжали санитары и уложили впадавшаго въ забытье офицера на носилки.

Отступленіе продолжалось и Слѣпцова со своимъ раненымъ только черезъ два дня добралась до полевого госпиталя, гдѣ, наконецъ, и уложила на койку находившагося въ забытьѣ раненаго офицера.

Съ любовью и заботой ухаживала за нимъ сестра Слѣпцова; ей что-то подсказывало, что этотъ подобранный ею на берегу китайской рѣки офицеръ сыграетъ въ ея жизни какую-то роль.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Офицеръ настолько поправился, что могъ сидѣть и вставать, хотя и съ трудомъ.

Съ любопытствомъ онъ (его звали Петръ Петровичъ Куринъ) разспрашивалъ свою спасительницу о томъ, какъ она нашла его и почти вынесла подъ огнемъ непріятеля съ поля битвы, и былъ безгранично благодаренъ самоотверженной сестрѣ за свое спасеніе.

Длинные вечера проводили они за разговорами и сблизились все больше и больше. Куринъ называлъ Слѣпцову не иначе, какъ «моя спасительница», а та его—«мой спасенный».

Былъ пасмурный вечеръ. Куринъ полулежалъ на подушкахъ, около него на табуретѣ сидѣла Слѣпцова. Они вели тихій разговоръ. Вдругъ въ палату вбѣжала одна изъ сестеръ.

— Миръ, миръ, господа!—кричала она.—Вотъ телеграмма, сообщающая, что уже начаты переговоры о мирѣ. Уполномоченные уже встрѣтились и ведутъ переговоры.

Больные зашевелились и всѣ тянулись къ сестрѣ, принесшей телеграмму.

— Какъ я рада за васъ! — проговорила Слѣпцова, поправляя подушку Курину.

— А я за васъ.

— Почему?

— Оба вернемся домой и...

— И что?

— Вы свободны, я свободенъ; что если-бы мы лишили свободы другъ друга? А?

— Что вы, что вы!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Я, простите, боготворю васъ за вашъ подвигъ. Если-бы не вы, я лежалъ-бы въ манчжурской степи... мертвый... Ну, скажите, спасительница, согласны?

— Объ этомъ поговоримъ послѣ, когда будетъ заключенъ миръ, а теперь пока меня призываютъ другія обязанности.

— Но вы, вы все-таки не отказываете мнѣ?

— Нѣтъ! — отвѣтила покраснѣвъ сестра Слѣпцова и что-то радостное разлилось въ ея душѣ.

«Вотъ оно, счастье-то,—думала она,—пришло и гдѣ? На далекой окраинѣ».

Куринъ быстро поправлялся и черезъ нѣсколько дней, выйдя изъ госпиталя, подалъ рапортъ по начальству о разрѣшеніи жениться на сестрѣ милосердія Слѣпцовой, причемъ оговорился, что свадьба можетъ состояться лишь въ томъ случаѣ, если будетъ заключенъ миръ.

Наступилъ день, когда телеграфъ оповѣстилъ по всему свѣту, что условія мирнаго договора подписаны въ Портсмутѣ. Такая-же телеграмма пришла и на пунктъ, гдѣ былъ госпиталь, въ которомъ находилась сестра Слѣпцова. Въ тотъ-же день къ ней явился Куринъ.

— Миръ! — радостно проговорилъ онъ...

Черезъ два дня въ походной церкви была совершена свадьба Курина и Слѣпцовой. Анна Михайловна заслужила свое счастье...

КОНЕЦЪ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

НЕ ДАВАЯ отцу времени на возраженія, онъ горячо продолжалъ, почти крича внѣ себя:

— Нѣтъ! не говори мнѣ объ уваженіи, не пачкай памяти матери! Она мнѣ была почти матерью! Ха-ха! Такъ знай-же, отецъ, что я не только не уважаю этой особы, я презираю ее! Даже не ненав жу, а презираю, презираю...

Онъ задыхался.

Татьяна Васильевна поднялась со своего стула, блѣдная, какъ смерть. Только глаза ея, черные, какъ угли, горѣли зловѣщимъ огнемъ.

— Опомнитесь!—строго и наружно спокойно сказала она.—Вы говорите предъ отцомъ, предъ больнымъ отцомъ. Нынѣшнія дѣти жестоки, это я знала, но чтобы до такой степени!.. Это къ тому-же и неосторожно...

— Татьяна Васильевна! — умоляющимъ тономъ вскричалъ несчастный старикъ.

— Неосторожно? Почему неосторожно?—спросилъ Иванъ Петровичъ, чувствуя, что она готовится сказать какую-нибудь гадость.

— Неосторожно, потому что вы зависите отъ отца, который можетъ лишить васъ навсегда средствъ жизни.

— Господи! — простоналъ старикъ. — Татьяна Васильевна, умоляю тебя!..

Онъ низко склонилъ голову и тяжелыя, больныя, старческія слезы закапали изъ его глазъ и потекли по его блѣдно-желтымъ щекамъ.

— Вы — женщина безъ сердца, безъ чести, безъ совѣсти, — сказалъ Иванъ Петровичъ, смотря на нее въ упоръ. Ему доставляло невыразимое наслажденіе бросать въ нее этими оскорбленіями и онъ ощущалъ такое состояніе, какъ-будто билъ ее по щекамъ этими словами. — Вы вся въ этомъ! Это — ваша задача жизни! Всей жизни! Не надо мнѣ денегъ! Слышите! Можете ими пользоваться. Разъ навсегда отказываюсь отъ нихъ! Вы тонко вели игру и вотъ до чего довели несчастнаго отца. Если вы вѣрите въ возмездіе, то да будьте вы прокляты, подлая, подлая женщина!

Это было такъ неожиданно, что даже Татьяна Васильевна не выдержала и, какъ подкошенная, упала на стулъ.

— Ахъ, ахъ!—простонала она и своимъ чернымъ взглядомъ быстро скользнула по фигурѣ Петра Петровича.

Старикъ не имѣлъ силъ говорить.

Онъ сидѣлъ весь какъ-то сжавшись, точно его придавило откуда-то внезапно свалившимся бревномъ, и плакалъ безпомощно, безсильно, какъ слабый, больной ребенокъ.

Жалко было смотрѣть на него.

— Отецъ, — бросился предъ нимъ на колѣна Иванъ Петровичъ и, взявъ его руку, поцѣловалъ ее,— прости меня, папа! Не за нее, а за себя прости! Прости, что въ первый-же день свиданія, послѣ долгой разлуки, я позволилъ себѣ тебя огорчить. Прости меня! Но, ради Господа, зачѣмъ, зачѣмъ было выписывать меня? Вѣдь, ты зналъ, что, пока эта женщина въ домѣ, у насъ не можетъ быть мира...

— Ваня... — простоналъ старикъ.

Татьяна Васильевна вдругъ оправилась.

— Я съ этимъ согласна, — сказала она, — вы выписали его тайно отъ меня, и вотъ результатъ. Если-бы вы посовѣтывались со мной, я вамъ этого не посовѣтывала-бы, щадя ваше здоровье и спокойствіе. Развѣ я не знала о его безсердечіи? Развѣ нынѣшнія дѣти—дѣти? это—звѣри... и ради матеріальныхъ благъ они готовы заколотить въ гробъ больного отца, въ надеждѣ унаслѣдовать послѣ него...

Но она не договорила. Какъ стрѣла, поднялся съ пола Иванъ Петровичъ и, подошедъ къ ней вплотную, быстро схватилъ ее за руку и сжалъ ее, какъ тисками.

— Еще слово, и я убью тебя, гадина! — прохрипѣлъ онъ сдавленнымъ шепотомъ.—Еще только слово, еще только слово... — безумно твердилъ онъ, не спуская взора съ ея посинѣвшихъ губъ и какъ-бы выжидая, чтобы онѣ раскрылись и чтобы онъ имѣлъ право исполнить свою угрозу.

Шатаясь, поднялся со своего кресла старикъ.

— Иванъ! Оставь ее! — строго приказалъ онъ, протягивая дрожащую руку.

Онъ походилъ на привидѣніе, на выходца изъ могилы: высокій, блѣдный, худой и изможденный, весь желтый, дрожащій каждымъ мускуломъ тѣла, онъ былъ страшенъ.

Иванъ Петровичъ невольно выпустилъ руку Татьяны Васильевны.

Старикъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но пошатнулся и еле успѣлъ упасть въ кресло, которое ему быстро пододвинулъ сынъ.

Долго длилось тяжелое молчаніе.

Глухимъ, надтреснутымъ голосомъ больной заговорилъ:

— Я требую, чтобы вы помирились. Стыдно это! стыдно! Недолго мнѣ, быть можетъ, осталось жить на свѣтѣ, а вы отравляете послѣднія минуты моего существованія. Ахъ, я самъ жажду умереть! Тяжко жить въ такихъ условіяхъ, тяжко! Но я не хотѣлъ-бы, чтобы вы оставались врагами. Я требую, чтобы вы помирились. Ради чего эта вражда? ради чего?.. Ваня, — умоляющимъ голосомъ обратился онъ къ сыну, — ты оскорбилъ Татьяну Васильевну. Она — старая женщина! Не честно это и грѣшно! Извинись предъ нею, помирись съ ней! Я знаю, у нея хорошая душа... Она не помнитъ зла, она проститъ.

— Никогда! — съ силой отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, — никогда! Отецъ! — торжественнымъ голосомъ продолжалъ онъ, — если ты любишь меня, если ты хочешь сохранить сына—отошли ее изъ дома! Пусть она уйдетъ отсюда и возьметъ все, что хочетъ, и унесетъ все, что ты ей дашь, но пусть самаго ея духа не будетъ здѣсь!

Татьяна Васильевна вздрогнула и тревожно посмотрѣла на старика, съ замираніемъ сердца ожидая его отвѣта.

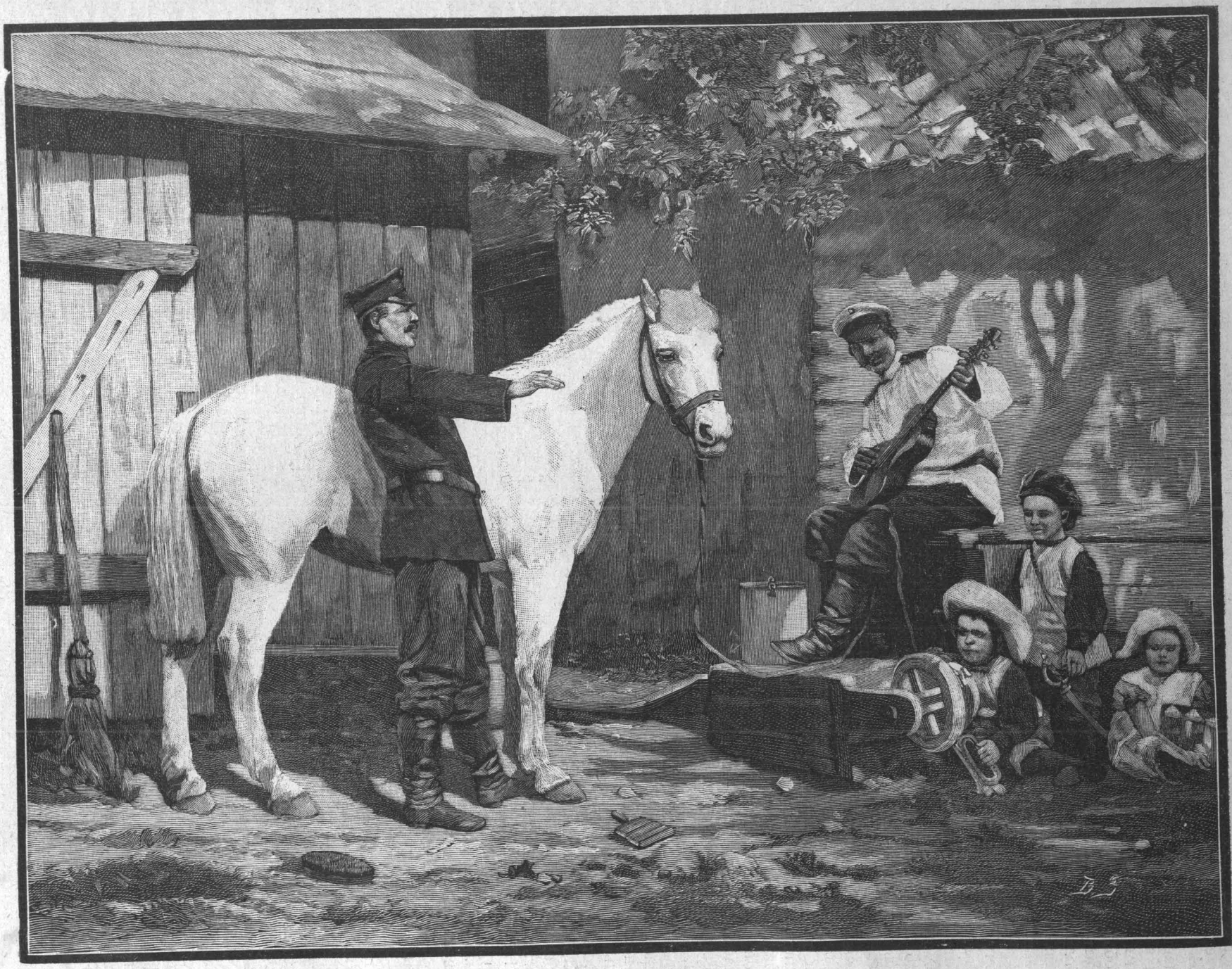
Старикъ долго молчалъ. Какая-то глухая, тяжелая борьба совершалась въ немъ и онъ молча, точно трепетно прислушивался къ тому, что происходило въ его душѣ, и не принималъ никакого участія въ этой борьбѣ противуположныхъ чувствъ и мыслей.

И оба противника сознавали, что насталъ роковой, рѣшительный моментъ въ ихъ судьбѣ. Отъ того слова, которое произнесетъ этотъ больной старикъ, зависѣло все ихъ будущее.

— Ваня!—началъ, наконецъ, Петръ Петровичъ,— я не могу сдѣлать это.

Облегченный вздохъ вырвался изъ груди Татьяны Васильевны. Взоръ ея черныхъ глазъ загорѣлся торжествомъ.

— Не могу, — повторилъ Петръ Петровичъ, все



МУЗЫКАЛЬНЫЕ ДЕНЩИКИ. Съ картины **А. Б. Виллевальде** гравир. для „Родины“ **В. Зубчаниновъ.**

ниже и ниже опуская голову. — Я старъ, я боленъ. Кто за мной будетъ ходить? Чья душа приметъ мой послѣдній вздохъ, кто закроетъ мнѣ глаза? Тяжко умирать одинокому, когда всю жизнь прожилъ съ семьей. Ты далеко, ты женишься, у тебя будетъ своя семья...

— Папа! — стономъ вырвалось у него.—Если ты сдѣлаешь то, что я прошу тебя, я пріѣду жить сюда; если я женюсь, это все равно, мы съ женой будемъ твоими дѣтьми. Мы будемъ любить тебя, ухаживать за тобой.

Татьяна Васильевна сдѣлала шагъ, чтобы подойти къ больному.

Иванъ Петровичъ сталъ между нею и отцомъ и заслонилъ ее отъ него.

— Ни шага! Ни съ мѣста! — проговорилъ онъ.— Я хочу, чтобы отецъ отвѣтилъ свободно.

Опять водворилось молчаніе.

Слышно было, какъ тяжело дышалъ старикъ.

И вдругъ въ этой полутемной комнатѣ раздался чей-то слабый, плаксивый голосъ, котораго не узналъ Иванъ Петровичъ:

— Я не могу... я не могу... Я привыкъ...

Ивану Петровичу стало противно. Онъ не ощущалъ теперь въ душѣ ни чувства любви, ни чувства жалости къ этому ослабѣвшему старику. Холодъ заледенилъ душу Ивана Петровича. Бѣжать, бѣжать отсюда безъ оглядки и никогда не вспоминать этой глупой попытки вернуть прошлое. Прошлое не возвращается. Нужно разомъ покончить со всѣми связями прошлаго, надо все сгладить, все вымести съ души, чтобы было чистое, ровное, гладкое мѣсто; вычеркнуть всѣ воспоминанія, всѣ штрихи прошлаго и начать новую, свѣтлую жизнь. Долой-же эта привязанность къ отцу! Долой это чувство, которое невольно овладѣло имъ въ первую минуту, когда онъ вошелъ въ этотъ старый, родной домъ, гдѣ прошли дни его дѣтства, его молодости! Скорѣе вонъ отсюда!

Онъ инстинктивно еще разъ взглянулъ на отца. Нѣтъ! Все молчитъ въ его захолодѣвшей сыновней душѣ, все умерло въ ней. Ничто не шелохнулось, не вызвало теплаго чувства.

Иванъ Петровичъ отступилъ на шагъ.

— Онъ вашъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ Татьянѣ Васильевнѣ и протягивая руку по направленію къ отцу.—Возьмите его и дѣлайте съ нимъ, что хотите.— Онъ подошелъ къ ней. — Но, чтобы я никогда ничего не слыхалъ больше, что-бы ни случилось! У меня нѣтъ больше родного угла и нѣтъ прошлаго. Вы у меня его украли. Но... если когда-нибудь вы попадетесь на моей дорогѣ, если когда-нибудь я встрѣчу васъ на своемъ пути... берегитесь, я не пощажу васъ. Прощай, отецъ!

— Ваня! Милый! — раздался за нимъ слабый, дребезжащій голосъ, но этотъ голосъ и эти слова не заставили его даже вздрогнуть.

Спокойно, словно окаменѣвшій, вышелъ онъ въ переднюю, наскоро одѣлся и быстро спустился по лѣстницѣ, словно бѣжалъ отъ настигавшихъ его призраковъ.

X.

Весна быстрыми шагами двигалась съ юга и отвоевывала себѣ все большія и большія пространства.

Маленькій областной городокъ уже тонулъ въ зелени. Николаевскій бульваръ начиналъ пріобрѣтать видъ зеленаго тоннеля, каковой онъ имѣлъ всегда лѣтомъ, когда верхушки платановъ разрастались и соединялись вмѣстѣ, бросая на него густую тѣнь.

Все гуще и гуще синѣло небо, становясь глубокимъ, какъ глубь воздушнаго океана; голубѣли вдали горы, дѣлаясь по утрамъ нѣжно-розовыми, а по вечерамъ — розовато - фіолетовыми. Городской садъ облачался въ свой свѣтло-зеленый атласный нарядъ, а трава на лужайкахъ его походила на дорогой зеленый бархатъ. Цвѣла бѣлая акація и наполняла садъ сладкимъ своимъ благоуханіемъ. Мощная природа юга развертывала свою силу не по днямъ, а по часамъ.

Стоялъ чудный весенній вечеръ, когда Иванъ Петровичъ подходилъ къ воротамъ городского сада, освѣщеннаго двумя керосиновыми фонарями. На лѣто клубъ перебирался въ такъ называемую „ротонду“, стоявшую въ городскомъ саду. Это было деревянное зданіе довольно обширное и довольно красивой архитектуры. Въ рамкѣ густой зелени это зданіе казалось очень поэтичнымъ. Оно расположилось на берегу обрыва, спускавшагося къ бурной горной рѣкѣ, прорѣзывающей городъ. Съ террасы ротонды, обставленной растеніями и цвѣтами, открывался видъ на зарѣчную часть города съ его низенькими, приземистыми слободскими домиками, тонувшими теперь во мракѣ надвигавшейся ночи. Только слободскіе вечерніе огни дѣлали похожимъ эту кучку черныхъ силуэтовъ на какое-то таинственное стоглавое чудовище, притаившееся на берегу рѣки и готовое скакнуть, ринуться на городъ. За этой узкой слободской долиной высились горные великаны, гигантскими зигзагами вырѣзывавшіеся на темномъ фонѣ неба.

Всходила луна и яркимъ круглымъ пятномъ стала на синей тверди; и тотчасъ-же тысячью тысячъ серебристыхъ огней зажглась природа. Это была праздничная иллюминація, когда каждый листокъ на деревьяхъ, каждая рябинка рѣки заблистала и засіяла этимъ волшебнымъ свѣтомъ, точно отдѣльный фонарикъ.

Въ ротондѣ былъ первый музыкальный вечеръ и звуки оркестра мягко неслись въ весеннемъ воздухѣ и таяли въ немъ, словно разбиваясь на куски и прячась въ цвѣтахъ, которыми полны были куртины, и мѣшались звуки музыки, свѣтъ луны и благоуханіе цвѣтовъ, образуя собою нѣчто цѣлое, нераздѣльное, радостно-весеннее.

Въ эту ночь Иванъ Петровичъ входилъ въ городской садъ. Онъ только что, часъ тому назадъ, пріѣхалъ съ поѣздомъ. Въѣхавъ въ городъ, онъ почувствовалъ себя въ родной атмосферѣ; ему казалось, что онъ вернулся изъ тяжелой, мрачной ссылки. Петербургъ ему казался теперь страшно далекимъ и страшно чужимъ съ его распутицей, туманами и дождями, которые должны были свидѣтельствовать о наступленіи каррикатурной сѣверной весны и быть ея предвѣстниками, вмѣстѣ съ инфлуэнцой и другими простудными болѣзнями. Мрачный городъ, вырабатывающій мрачныхъ людей! Онъ и самъ былъ мраченъ, какъ вѣрный сынъ этого города, какъ носящій въ душѣ эту тяжелую наслѣдственность, впитанную имъ со дня рожденія, вмѣстѣ съ тяжелыми туманами столицы. И какъ-будто частица этихъ тумановъ залегла въ его душу и навсегда осталась въ ней.

Здѣсь—другое дѣло! Какъ только Иванъ Петровичъ поѣхалъ по Николаевской улицѣ, тотчасъ-же очутился словно въ дивномъ, сказочномъ саду. Онъ жадно дышалъ этимъ ароматнымъ воздухомъ, этой свѣжестью прохладной весенней ночи. И, когда онъ вышелъ на бульваръ, не зная еще, куда пойдетъ провести остатокъ вечера, ему вдругъ сдѣлалось грустно, такъ грустно, что захотѣлось плакать. Онъ

Сканировал reduktorer rutracker.org

разорвалъ навсегда со своимъ прошлымъ; онъ стремился къ неизвѣстному будущему. Какъ-бы ни было мрачно и тяжко прошлое, прощанье съ нимъ всегда невесело; прошлое всегда ближе душѣ, чѣмъ даже самое сладкое будущее. Въ прошломъ уходитъ другъ, съ которымъ проведено много-много минутъ жизни—тяжелыхъ и радостныхъ, свѣтлыхъ и темныхъ, но уже пережитыхъ, а потому близкихъ душѣ. Въ будущемъ—неизвѣстная, новая жизнь, къ которой надо привыкать, съ которой надо сживаться. Но будущее становится настоящимъ, а настоящее—прошлымъ, и такъ ежемгновенно выковывается цѣпь жизни, въ которой одно звено тѣсно связано съ другимъ и каждое звено имѣетъ свою цѣну и свою прелесть.

Ему хотѣлось пойти немедленно къ Натаровой, чтобы радостно сказать ей, что все прошлое навсегда стерто въ его жизни и что онъ теперь свободенъ, какъ птица. Но въ эту самую минуту онъ именно не ощутилъ никакой радости на душѣ. Напротивъ, что-то мрачное и недоброе навалилось на него и онъ не могъ отдѣлаться отъ этого нехорошаго чувства. Это залегшій въ его душѣ сѣверный туманъ давалъ о себѣ знать; привычка къ хмурымъ недоумѣніямъ заговорила въ немъ. Здѣсь какой-то злой нарывъ сомнѣній, какое-то недовѣріе къ зародившемуся чувству, и это было очень-очень тяжело. Съ такой душевной болью онъ не хотѣлъ идти къ Натаровой. Ему хотѣлось увидаться съ ней обновленнымъ и жизнерадостнымъ и не хотѣлось отравлять первое свиданіе своимъ угрюмымъ видомъ и настроеніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Лучше онъ пойдетъ къ ней попозже, если не будетъ ужъ очень поздно, а то и завтра.

„Ночная тьма бѣдой чревата“, — промелькнула у него мысль и онъ суевѣрно сжался.

Иванъ Петровичъ рѣшилъ пойти въ садъ. Дома не сидѣлось и дома онъ какъ-то особенно чутко и внимательно прислушивался къ тому, что зрѣло на его душѣ и омрачало ее своей неопредѣленностью.

По широкой аллеѣ, ведшей съ улицы въ ротонду, шли люди. Разговоры были все тѣ-же: о картахъ, о городскихъ происшествіяхъ, о кое-какихъ новыхъ назначеніяхъ. Городъ жилъ той-же жизнью и ничего новаго и утѣшительнаго въ этой жизни не было.

И Ивану Петровичу вдругъ сдѣлалось противно войти въ этотъ освѣщенный залъ, встрѣтиться съ этими людьми, съ ихъ пошлымъ любопытствомъ и отвѣчать на ихъ вопросы.

Онъ круто повернулъ въ сторону, туда, въ самую отдаленную часть сада, плохо освѣщенную и мало посѣщаемую. Здѣсь, надъ самымъ обрывомъ, спускавшимся круто къ рѣкѣ, стояли скамейки и это было излюбленнымъ мѣстомъ областныхъ обывателей для производства флирта.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Заслуженное счастье. (Къ рис. на стр. 1313.) Война кончилась. Послѣдніе раскаты громовыхъ выстрѣловъ замолкли, закаленные въ бояхъ воины, ни о чемъ болѣе не думавшіе, какъ только о походѣ и о битвахъ, возвращаются къ дѣйствительности, возвращаются къ обыденной жизни. Сестры милосердія, отдававшія всѣ свои силы на служеніе ближнимъ, теперь вернулись къ земнымъ заботамъ. Вотъ она, сподвижница русскаго воина, выходила раненаго офицера, а тотъ, по окончаніи войны, ведетъ свою спасительницу къ алтарю, чтобы навѣки соединиться съ той, которая спасла ему жизнь. Скоро-скоро для нихъ наступитъ счастье, заслуженное счастье, въ скромной обстановкѣ, на далекихъ поляхъ Манчжуріи. Хорошо иллюстрируется этимъ рисункомъ разсказъ И. Епифанова, помѣщенный въ настоящемъ номерѣ журнала.

На охоту. (Къ рис. на стр. 1319.) Въ линейку запряженъ добрый конь, взято ружье, взяты порохъ и дробь и надѣтъ черезъ плечо пустой пока ягдташъ. Неторопливой рысцой везетъ лошадка охотника по полямъ, туда, къ болоту, гдѣ есть дичь, гдѣ скачутъ зайцы и рыскаютъ лисицы. Гдѣ дорогой, а гдѣ и прямо полемъ, ѣдетъ охотникъ къ завѣтной цѣли, зорко посматривая по сторонамъ и готовый каждую минуту выстрѣлить въ могущую появиться птицу. У охотника есть и оруженосецъ, пріютившійся сзади линейки и тоже зорко смотрящій по сторонамъ. Еще версты три, и охотникъ будетъ у цѣли своихъ вожделѣній.

Проѣздомъ. (Къ рис. на стр. 1321.) Докторъ былъ позванъ въ одну изъ дальнихъ деревень. За нимъ пріѣхалъ нарочный, чтобы на своемъ тарантасѣ отвезти доктора къ больному. Вскорѣ поѣхали. Сгущались сумерки, когда докторъ очутился около села, гдѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, протекала его молодость. Вспомнились ему и старый домикъ около церкви, и садикъ, въ которомъ онъ такъ любилъ бывать, и рѣчка, въ которой онъ когда-то купался. Докторъ остановилъ своего возницу и теперь съ какой-то грустью смотритъ на свое старое пепелище. Вспомнились ему и косогоръ, и дорога, которая тянется отъ церкви прямо въ привольные луга. Никого родныхъ не осталось теперь въ этомъ селѣ и только старая церковь смотритъ своими куполами на того, кто когда-то звонилъ въ колокола на ея качающейся колокольнѣ, а теперь, проѣздомъ, любуется своимъ роднымъ селомъ.

Г. Нарва. (Къ рис. на стр. 1327—30.) Описаніе города Нарвы читатели найдутъ въ помѣщаемомъ въ настоящемъ номерѣ журнала очеркѣ А. И. Красницкаго, носящемъ названіе «Двухсотлѣтіе взятія Нарвы».

Музыкальные денщики. (Къ рис. на стр. 1337.) Денщики сошлись около конюшни. Одинъ изъ нихъ досталъ гдѣ-то гитару и началъ на ней бренчать. Другой, вычистивши лошадь, подъ звуки гитары запѣлъ пѣсню. На задворки, услышавъ музыку и пѣнье, прибѣжали дѣтишки. Усѣлись они и чутко прислушиваются къ звукамъ. Гитара бренчитъ, а солдатикъ выводитъ: «Было дѣло подъ Полтавой, дѣло славное, друзья, мы дрались тогда со шведомъ подъ знаменами Петра!». Слушаетъ эту пѣсню и лошадь, прядетъ она ушами и терпѣливо ждетъ, когда кончатъ свои вокальныя импровизаціи денщики-музыканты, отведутъ ее въ теплую конюшню, на сухую солому и поставятъ около яслей съ душистымъ сѣномъ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 42-го иллюстрированнаго журнала „РОДИНА“: **Ершъ и Пыжъ.** Повѣсть кн. М. Н. Волконскаго. (Прод.)—**Двухсотлѣтіе взятія Нарвы.** Очеркъ А. И. Красницкаго. — **Заслуженное счастье.** Разсказъ Ив. Епифанова. **Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** Заслуженное счастье. Оригин. рис. С. Животовскаго.—На охоту. Съ акварели Н. Н. Каразина. — Проѣздомъ. Съ акварели Н. Н. Каразина. — Къ двухсотлѣтію взятія Нарвы. (12 рис.) По фот. Н. Ольшанскаго.—Музыкальные денщики. Съ картины А. Б. Виллевальде.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Маркграфъ и графъ. Разсказъ И. Аванасьева. — Въ магазинѣ. (1 рис.) — Миръ. Сценка-шаржъ В. Жукова.—Неисправима. (2 рис.) — Особое наслажденіе. (1 рис.)—Магическій крестъ № 24. —Створчатая задача № 35.—Перестановка слоговъ № 13.—Шарада № 33. —Магическій крестъ № 25. — Логогрифъ № 48.—Перестановка буквъ № 45.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 40.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. По поводу закрытія выставки историческихъ портретовъ. (Съ 4 рис.)—Русскіе общественные дѣятели: Ѳ. А. Головинъ, Д. Н. Шиповъ, А. И. Гучковъ. (Съ 3 портр.) — Отклики войны. (Съ 3 рис.).—Домъ общества „Маякъ“. (Съ 1 рис.)—Е. И. Збруева. (1 портр.) Къ событіямъ въ Норвегіи. (Съ 3 рис.) — Императоръ Вильгельмъ на маневрахъ. (Съ 1 рис.) — Президентъ Рузвельтъ на медвѣжьей охотѣ. (Съ 1 рис.)—Къ англо-японскому союзу. (Съ 1 рис.) — Новобрачные герцогъ и герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готскіе. (Съ 2 портр.)—Принцъ Эйтель Прусскій и его невѣста, принцесса Софія Ольденбургская. (Съ 2 портр.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 36 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 18 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I) „Другъ Дѣтей“, № 10. II) Популярно-научная и литературная библіотека „Родины“

„ЗНАНІЕ и ПОЛЬЗА“ 1905 г. Книга 10-я

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ. БАНКА 1 р. 90 к.

УГРИ отъ ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Кожа лица и рукъ дѣлается скоро бѣлой, нѣжной и мягкой отъ Кето

С.ПЕТЕРБУРГЪ КАРАВАННАЯ 14 кв 9

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

УТВ. ФАБР. МАРКА.

Сенсаціонная новость!

АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ

ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ

кто желаетъ имѣть вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее безвредное

БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА

ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА

Savon Brésilien da-Costa.

Rio-de-Janeiro.—Paris.—Londres.

МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.

Неподдѣльныя коробки снабжены маркой „Звѣзда“, какъ на рисункѣ, и заклеены банд-ролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается везде. Торговцамъ скидка.

Коробка 75 к.—Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 15 к. 3 кор. 3 р. 85 к. 6 кор. 5 р. 10 к.—Русскія описанія безплатно.

Выписывайте изъ главнаго склада

Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.

С.-Петербургъ, Владимірская, 3.

СКРИПКИ

въ 2 р., 3 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к. 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

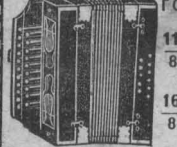
Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы меха обиты метал.

2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р. 13 р. 15 р.

8 бас. 10 бас. 12 бас.

СТАЛЬНЫЕ голоса

16 р. 20 р. 24 р.

8 бас. 10 бас. 12 бас. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ

УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

31 кл. 12 бас. 26 руб.

36 кл. 12 бас. 30 руб.

СТАЛЬНЫЕ голоса

31 кл. 12 бас. 35 руб.

31 кл. 18 бас. 42 руб.

36 кл. 12 бас. 42 руб.

36 кл. 18 бас. 50 р. 36 кл. 24 бас. 65 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.

СТАЛЬНЫЕ голоса

17, 20, 23, и 28 руб.

ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб.

Стальные голоса 30 руб.

САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,

Москва, Сретенка.

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

скрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.

СКЛАДЪ и ФАБРИКА

ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ СЫ

С.-Петербургъ, Садовая, № 88.

Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 218

6 гаммъ — 12 гаммофонъ

цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ. А. СІУ и К°

Глицеро-Вазелиновое мыло Молодости.

МОСКВА. 20 коп. кус.

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

Сгущенное • молоко НЕСТЛЕ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛКИ!

„УСАТИНЪ А. ГЕБГАРДТА“

даетъ всякимъ усамъ удивительно изящную форму и сохраняетъ глянецъ и мягкость. Даже самые маленькіе усы дѣлаются большими и даже густыми.

„Усатинъ“—вещество не клейкое и не жирное.

Фл.—1 р. Перес. до 2 флак.—50 к., въ Азіат. Рос.—90 к.

Складъ техно-химическихъ спеціальностей А. ГЕБГАРДТА. С.-Петербургъ, Невскій пр., № 88—6 (во дворѣ). 445

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Самыя новѣйшія спирто-калильныя и керосино-газовыя горѣлки, замѣняющія газовое освѣщеніе. Цѣна съ пересылкой: 463

Горѣлки керос.-газ. безъ сѣтокъ:

№ 1 свѣта 16-ти свѣчей 1 р. 50 к.

№ 2 „ 20 „ „ 2 „ — „

№ 3 „ 25 „ „ 2 „ 50 „

№ 4 „ 30 „ „ 3 „ — „

спирто-кал. съ сѣтками:

№ 51 „ 80 „ „ 4 „ 50 „

№ 52 „ 60 „ „ 2 „ 90 „

Винтъ нашей горѣлки годится ко всякой 14-линейной лампѣ, къ больш. винтамъ добавляется муфта. Къ каждой горѣлкѣ прилагается 2 запасныхъ прочныхъ стекла. Въ Аз. Россію прочит. разн. вѣсовыхъ. І. Мельникъ, Варшава, ф—Граничная, 6.

ЧЕТВЕРТОЕ дополненное ИЗДАНІЕ.

НАШЪ НЕРВНЫЙ ВѢКЪ.

ПОПУЛЯРНОЕ СОЧИНЕНІЕ О ЗДОРОВЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ НЕРВАХЪ д-ра фонъ Крафтъ-Эбинга. Спб., цѣна 1 р. съ перес.

СОДЕРЖАНІЕ. Введеніе: Нашъ нервный вѣкъ. Гл. I. Запасъ нервной силы и работа нервовъ. Питаніе нервной системы. Отдыхъ и дѣятельное состояніе.—Гл. II. Причины болѣзней нервовъ. Тѣлосложеніе, воспитаніе. Соціальныя отношенія. Нормальный образъ жизни.—Гл. III. Сохраненіе здоровья нервовъ.—Гл. IV. Предотвращеніе нервныхъ заболѣваній у расположенныхъ къ нимъ.—Гл. V. Формы нервныхъ болѣзней.—Гл. VI. Общія правила пользованія нервныхъ болѣзней. ПРИЛОЖЕНІЕ. I. Вмѣсто предисловія. II. Условія нормальнаго питанія нервной системы. III. Мясо, яйца и пр., молочные продукты. IV. Пищевыя растительныя вещества. V. О напиткахъ. VI. Возбуждающія вещества и проч.

Это изданіе, чрезвычайно обильное содержаніемъ, знакомитъ читателя въ общепонятной формѣ съ сущностью нервной системы и столь развитыми нынѣ ея заболѣваніями, говоритъ о причинахъ этихъ болѣзней и указываетъ мѣры, предупреждающія ихъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ГИМНАСТИКА

и дѣтскія игры.

Для занятій въ школѣ и дома. Съ иллюстраціями (76 фиг.). Врача Е. Н. Залѣсовой. С.-Петербургъ, цѣна ОДИНЪ руб. съ перес. Эта книга является превосходнымъ руководствомъ для родителей и школьныхъ учителей, научая ихъ теоріи и практикѣ гимнастическихъ упражненій, столь необходимыхъ для физическаго развитія дѣтей. Приложеніемъ къ ней является отдѣлъ „Дѣтскія игры“, въ которомъ описываются интересныя для дѣтей и полезныя для ихъ здоровья подвижныя игры и забавы.

Требованія просятъ адресовать въ книгоиздательство А. А. Каспари: С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. домъ, № 114, и въ отдѣленія его главной конторы: 1) С.-Петербургъ, Садовая ул., домъ № 20, и 2) Москва, Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“.

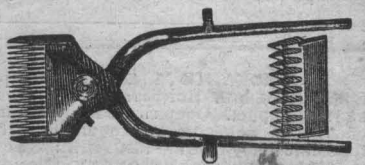
Русскіе баснописцы.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Съ 26-ю большими рисунками и 10-ю портретами-виньетками и біографіями Эзопа, В. Тредіаковскаго, А. Сумарокова, В. Майкова, Д. Фонвизина, А. Измайлова, И. Хемницера, И. Дмитріева, В. Пушкина и И. Крылова. С.-Петербургъ. Цѣна въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 коп. съ перес.

Требованія просятъ адресовать въ книгоиздател. А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 114.

Волосы,

уходъ за ними, болѣзни и леченіе съ помощью Элеопата Пров. Кикунена. Популярная брошюра д-ра медицины Ю. Э. Фриллендера. Высылается желающимъ безплатно изъ главнаго склада Элеопата Пров. Кикунена: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13. 20



МАШИНКИ ДЛЯ СТРИЖКИ ВОЛОСЪ ■ съ тремя номерами—2 р., 3 р., 4 р. и 5 р. Для бороды 00 или 000—2 р., 3 р. и 4 р. Безопасныя бритвы отъ 1 р. 50 к. до 10 р. Обыкнов. бритвы отъ 50 к. до 5 р. Масса новостей. Иллюстр. каталоги безплатно. Складъ Т-во Плоховъ и Готтарди, С.-Петербургъ, Садовая, 9. 470

Дозволено цензурою. Спб., 30-го сентября 1905 г. — Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.